

Надежда КАЛАШНИКОВА
Обманом обручённая

Повесть

Часть II

Новокузнецк
«Ник без Сопрані»
2019

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Обманом обручённая...

Повесть

Часть II

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 17

КАЛАШНИКОВА Н. Н.

К 17 Обманом обручённая... : повесть : часть II / Надежда Калашникова ;
Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». –
Новокузнецк: «Ник без Соррапi», 2019. – 76 с.
16+

Едва отгремела война асов с ванами, как вновь зашатался хрупкий мир. Не стерпеть племяннице царя Ванахеймского обиды, Локи-Обманщиком нанесённой. Не останутся в долгу ни отец, ни дядюшка царственный. Да только по царскому обычаю не на злато играют – на головы. Не того бога, видать, коварным прозвали...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Глава 8. О чести и бесчестии

*Любовь дороже истины, и мира, и войны,
Когда влюблён – тогда решаешь быстро.
Политику Британии решать теперь должны
Сердечные дела её министра.*

*Дуэт королевы и Бэкингема
из к/ф «Д'Артаньян и три мушкетёра»*

На рассвете сон слаще всего. А в объятиях – и того пуще. Бальдр, ощутив холод, привычно нашаривает талию жены, подгребая Нанну к себе.

Требовательный, частый стук в дверь выхватывает их из объятий сна. Оба открывают глаза почти одновременно. Нанна, вспорхнув с ложа, быстро накидывает платье, тревожно оглядываясь на мужа. Бальдр занят другим: нашаривает под подушкой кинжал.

– Дочь? Почему ты здесь? Разве не надлежит тебе наслаждаться утренним даром? – осторожно приоткрыв дверь, с удивлением спрашивает Нанна. И замолкает.

Сигюн напряжена, как до отказа натянутая тетива лука. Тронь – лопнет под руками, рассекая острыми концами.

– Сигюн? – Бальдр, убрав кинжал за пазуху, подходит ближе.

– Мой... муж... – слова ломкие, отрывистые, будто осенние листья под ногами. – Я...

– Фрейр тебя обидел? – хмурится бог света. – Он был груб с тобой?

– Дорогая, первая брачная ночь для женщины всегда непростое испытание, – Нанна кладёт руки на плечи дочери, привлекая к себе. – Дай ему шанс. Ведь ты сама выбрала его.

Повторный скрип двери заставляет Бальдра поднять глаза. И скривиться: ну вот только *этого* сейчас тут и не хватало!..

– Локи, хоть раз в жизни собери остатки чести – уйди отсюда, – сквозь зубы произносит он. – В другой раз выясним наши отношения.

Бог обмана легко отталкивается от косяка, к которому прислонился было мгновение назад. Улыбается – мягко, нежно, совершенно обворожительно.

– Ну здравствуй... тестюшка.

– Пусти! Пусти, брат, дай мне добраться до этого мерзавца, до этого... этого...

– Бальдр! Опомнись, ты не можешь нарушить перемирие! – рявкает тому в ухо Ньёрд, цепко удерживая бога света за руки.

– Да плевать мне на твоё перемирие и на девять миров чохом! – вырывается Бальдр, и по команде царя ванахеймского двое телохранителей скручивают его. – Он обманом женился на моей дочери, Ньёрд! Эта скользкая лживая тварь отхватила себе лучший кусок! Он касался её, он делил с ней ложе!..

При последних словах столь мощная ярость охватывает Бальдра, что он отбрасывает в стороны удерживающих его телохранителей. Дюжие вояки отлетают в стороны, не успев ничего понять. А в высокий потолок Золотого Чертога бьёт ослепительно яркий сноп света. Отрикошетив, сноп падает вниз, задевает не успевших отскочить подальше слуг – и вой несчастных оглашает дворец.

Резко пахнет палёной кожей. Там, где прошёлся слепящий луч, куски плоти падают, будто отсечённые не ведающим пощады сияющим мечом.

Свет выжигает глаза. А сноп света ударяет вновь, с ещё большей силой. И в этот раз он стремится к младшему царевичу Асгарда, что запрыгнул уже на балюстраду. Локи едва успевает выставить магический щит с зеркальной поверхностью. Отражённый, свет ударяет обратно, окутывая Бальдра и по дороге освещая быстро опустевшее пространство зала.

– Ты вздумал бороться против меня моим же оружием, шенок, – бог света даже не отряхнулся от смертоносной световой волны, разбившейся о его грудь. – А так?!

Выхватив из-за пазухи кинжал, метким ударом он разбивает щит Локи и тут же посылает новый сноп света.

И едва ли замечает, когда сверху на него выливается ведро солёной воды.

Резкий крик чаек ударяет в уши. В открытое окно влетает два десятка гогочущих птиц. Вьются они у лица Бальдра, не дают ему рассмотреть, как враг его рассыпался десятком иллюзий. Пойди угадай, где настоящий!.. И все как один усмеваются нахально.

– Бальдр! – произносит Ньёрд очень тихо, потому что крика тот сейчас не услышит. – Бальдр, очнись, давай поговорим.

– О чём говорить с воров и Обманщиком? Пускаем ли мы в дом шелудивую собаку? Садимся ли на лошадь, что, взбесившись, сбросила седока? О чём вести переговоры? Я жажду смерти обидчика, нанёсшего мне и моей дочери смертельное оскорбление! И ты, Ньёрд, ты вызываешь к благоразумию – а что скажет на это Фрейр? Кстати, где он? Где твой сын, брат? Где наследник престола Ванахейма? Не гниют ли уже его кости милостью Обманщика?.. И после этого ты говоришь о благоразумии! Смерть поправшему законы чести! Я не успокоюсь, пока не пройду с его отрубленной головой в руках по всему Асгарду, кля...

– Отец! – перебивает Сигюн, обрывая клятву на полуслове. – Локи не столь бесчестен. Он сбросил личину сразу же, едва мы остались одни, и... он не коснулся меня. Брачной ночи не было, отец!

Щёки девы полыхают. Признаваться в подобном – отцу, дяде, толпе слуг, хоть и разбежавшихся, но наблюдающих всюю и запоминающих, чтобы уже к полудню сделать достоянием всего Асгарда...

Сквозь крик чаек прорезается воронье карканье. Хугин и Муниин влетают в гушу чаек. Птичий гвалт всё усиливается.

В следующее мгновение стук Гунгнира перекрывает собой всё. Громовой – и не скажешь, что он принадлежит дряхлому старцу!.. – голос оглашает Золотой Чертог:

– Что за бедлам в *моём* доме?..

***

Темно над Йотунхеймом. Привычна та темнота, привыкли к ней за столько столетий алые глаза йотунов.

Темно на душе у Лафея. Не радуют его ни туманное утро, ни сияние северное над горизонтом.

Что ни день – приходит к нему главный советник с неутешительными вестями. Тревожатся йотуны, с неохотой приказы царские исполняют. В кучки сбиваются, а шагнёшь к ним – врассыпную бросаются, будто и не стояли тут, не шушукались. И у Всевидящего помощи не попросишь – не станет ас йотунам помогать, виданое ли дело!..

Не выходит Лафей из Ледяного чертога. Все дела перепоручил он советнику. Сам сидит день-деньской на троне да думу тяжкую думает. Не отпускает его прошлое, терзает будущее.

Только на настоящее некогда взглянуть царю Йотунхеймскому.

А Ингвар знай тешит царя своего рассказами о делах царства, и один другого страшней да скушней. От рассказов тех голова Лафея под ледяным венцом всё ниже да ниже клонится. Ему бы подняться, плечи расправить, выйти во чистое поле. Зорким взглядом окинуть простор снежный, ему подвластный, да подданным показаться.

И вышел бы... да только советник – он ведь дурного не посоветует – всё нашёптывает:

– Отдохнуть бы тебе, мой царь. Сил набраться. Грядут перемены, в воздухе носятся, чую я их. Грозные они да непростые, много сил для них потребуется. Силён Асгард, ну да и Йотунхейм чего-то стоит... Ты бы, мой царь, не утруждался пока. Какое ни есть дело поручишь – всё исполню во славу Ледяного мира!..

И склоняет Лафей вновь голову тяжёлую.

Как никогда сына он увидеть хочет. Как никогда знать не хочет полукровку несносного. Одина он травит!.. Какой уж год?.. Долго век йотунов, но и ему предел положен.

– Перо и бумагу мне, – командует царь Йотунхеймский в пустоту ледяного зала.

Ему приходится повторить, повысив голос, прежде чем доставят требуемое.

Нахмурившись, Лафей быстро выводит несколько чётких строк, заворачивает конверт и запечатывает перстнем.

– Отдашь это моему сыну. Найдёшь его в Асгарде, – молвит он, вручая конверт йотуну, рождённому от асины. Полукровки, хоть и не часто, встречались и поныне – когда-то два мира были дружны меж собой.

– Пора определяться, Локи, – еле слышно повторяет Лафей в спину уходящему слуге. – Я не могу более ждать. И Йотунхейм не может.

***

Царская семья Асгарда – кроме царицы – собралась в кабинете Одина.

– Зато я женился раньше тебя, брат, – донельзя довольный, Локи строит Тору рожицу, будто в детстве.

Громовержец не принимает игры:

– Ты вверг в хаос и смуту царскую семью Ванахейма! Пустил по воде с таким трудом заключённый мир! Испортил репутацию ни в чём не повинной деве! И после этого ты похваляешься тем, что опередил меня?!..

Не удостоив Тора и взглядом, Локи разворачивается к царю Асгарда.

Один хмурится. Но в густой бороде и на доньшке единственного глаза плещется усмешка.

– Слова твоего брата справедливы, сын, – чеканит он. – Как ты на них ответишь?

– Ты ведь велел нам жениться, – дерзко отвечает тот. – Я выполнил твоё поручение, – уже спокойнее добавляет Локи, не сдерживая довольную улыбку.

– Ты свёл счёты со старым врагом, – без осуждения говорит Один. – Но что ты будешь делать дальше? На что ты обрёк его дочь? Она не виновата в ваших размолвках.

– То есть никто не допускает варианта, что я пленён дочерью Прекраснейшего в девяти мирах? – патетично восклицает Локи, прижав руки груди в якобы восторженном порыве.

Тор качает головой. Один едва заметно хмыкает.

– Я понимаю твой выбор, – неожиданно произносит он, и оба царевича оборачиваются, изумлённые. Никто не ждал одобрения царя девяти миров на столь опрометчивый поступок.

– Понимаю твой выбор – и даже одобряю, – задумчиво продолжает Один. – Как отец. Но как Всеотец – я повелеваю тебе разгрести последствия, которые ты навлёк на оба мира своей женитьбой. Царь Ньёрд с братом удалились обсуждать условия, что удовлетворят их оскорблённую честь. Они связаны перемирием, а потому не посмеют требовать твоей крови. Но тебе ли не знать, Локи, что кровь – не единственный вариант мести...

Взгляд Одина, кажется, проникает в самую душу младшего сына. Взгляд – слишком зоркий для того, кто одной ногой спешит к Хель...

Но это лишь на мгновение. Миг просветления оканчивается ещё быстрее, чем начался. Всеотец будто обмякает, веко его тяжелеет.

– Что ж, поглядим на условия, – легкомысленно пожимает плечами Локи. И вновь расплывается в довольной улыбке, вспоминая выражение лица новоиспечённого тестя. Вспоминает громкие его крики и угрозы – столь же сладостные уху, сколь бесполезные...

Теперь богу обмана есть чем утешаться – на долгие столетия вперёд.

Царская семья Ванакейма, минуя близнецов, собралась в отведённых Ньёрду покоях.

– Напрасно ты так переживаешь, брат мой, – говорит царь ванакеймский. – Наш план был длительным и шатким. Локи же, облегчив нам жизнь, ступил двумя ногами в силки сам, по собственному выбору. Это ли не удача?

Туман локии курится в покоях. Оттого не стесняется в выражениях царь Ньёрд.

Бальдр стискивает рукоять кинжала – так, что костяшки на длинных крепких пальцах становятся белыми.

– Честное имя моей дочери опорочено, запятнано Обманщиком! Честное имя твоего сына, Ньёрд, смешано с грязью! И ты говоришь об *удаче*?! Здесь больше бы подошли слова об объявлении новой войны!..

Кинжал впечатывается в стену. Со звоном отскочив, падает на пол.

Форсети, подойдя, кладёт руки на плечи отцу. С силой надавив, усаживает того на незастеленное ложе – Ньёрд спешно поднялся на шум, устроенный братом.

– Теперь мы имеем возможность уладить нашу проблему, – меж тем вдохновлённо продолжает царь Ванакейма. – Мы сможем на самых что ни есть законных основаниях потребовать с Локи такой выкуп, с которым он либо не справится, либо сложит голову. А Один любит сына, даром что тот приёмный. Он не простит, если со ним что-то случится. И вполне может стать, *сам* развяжет новую войну, с его-то горячим нравом. Тогда Ванакейм, а не Асгард станет благородным защитником девяти миров!..

Сверкают очи Ньёрда. Размахивает он руками, в воображении своём уже представляя славу Ванакейма – на весь Иггдрасиль. И, разумеется, мудрого его царя, что сумел сдержатъ пыл Одноглазого...

Качает головой Форсети. Не по душе богу правосудия закулисные интриги. Но молчит он, не желая лезть в дела политики, признавая за дядей право на её вершение.

Хмурится Нанна. Едва от одной войны оправились, как новую хотят развязать! Не успела земля и по одному разу принести мирный, сдобрённый

потом, а не кровью, урожай принести!.. Есть ли разум у мужчин?.. Но не перечит и она деверю. Всё одно окончательное слово за ним.

Сигюн же, прежде румяная пуще макова цвета, спадает с лица. Бледность будто заостряет и без того точёные скулы. Поднимает она взгляд на отца. Они враги с Локи, но отец её – воплощение благородства. Он не способен на подобное. Да и не захочет. Сам как-то признавался, что есть некая прелесть в многолетней вражде. Он же не станет *избавляться* от своего врага?..

– Скидбладнир, – хрипло произносит Бальдр, поднимая затуманенный взор на брата. – Пусть принесёт выкупом за дочь мою волшебный корабль. Пусть попробует его добыть у царя цвергов! Много храбрецов за ним в путь отправлялось – ни один не вернулся. Крепко стережёт свои сокровища подземный народ. Темны да извилисты их пещеры, много чудищ прячется в темноте, куда не падает луч ни от солнца, ни от луны. И сроку на то даю три дня!.. Иначе я буду требовать отмщения иными способами!

Взметает брови Форсети, слыша речь такую от отца. Слышал он легенды про корабль волшебный, слышал и про жадность да жестокость цвергов, что его охраняют.

– Хорошая идея, брат! – оживляется Ньёрд. Бог моря давно мечтал о чудесном драккаре. – Только три дня всё же маловато, Одноглазый не согласится. Поставь хотя бы неделю.

– Три дня! – кулак Бальдра опускается на подушку. И бесшумный этот жест заставляет вздрогнуть сильнее, чем если бы ударил бог света по столу.

– Что ж, на том и порешим, – удовлетворённо заключает Ньёрд. И туман локии почти развеялся – как удачно всё обсудили...

Всё?..

– Отец, ты всю жизнь ненавидишь бога коварства и обмана, – голос, будто звенящая на пределе струна. – Чем же твоё предложение отличается от его методов?..

– Сигюн!.. – окрик матери та, кажется, не слышит.

– Не ты ли учил нас поступать по чести? Не опускаться до того, чтобы ударить в спину, даже когда она удачно открыта? Что же ты делаешь сейчас?..

– Я мшу за тебя, Сигюн, дочь моя!.. – удивлению Бальдра нет предела. – Я хочу обелить твою поруганную честь!..

– Бесчестным поступком? – громко, в упор спрашивает богиня верности. Не одного только Бальдра – всех присутствующих. Смотрит по очереди на каждого.

И, прежде чем старшие ваны выльют на неё возмущение пополам с наказанием за дерзость, быстрым шагом уходит.

В пещере цвергов не определить, день или ночь наверху. Как начнёт факел чадить, замены требовать – стало быть, сутки миновали.

Чадит факел в изголовье ложа Фрейи. Покоится её голова на груди брата.

Да *брата* ли теперь?..

Спит Фрейр, любовной ночью утомлённый. Как поцеловала его сестра, так будто жаркий да тёмный омут его в объятия свои затянул. Будто прозрел он, признался сам себе в чувствах, что носил все эти годы, на братскую любовь списывая. И Фрейя то поняла раньше, чем он озвучить успел. Не дала и слова сказать – устами жаркими прижалась, телом горячим прильнула... И забыл Фрейр о свадьбе, о невесте своей, о престоле ванахейском. Вся его жизнь будто в Фрейе сосредоточилась, наконец-то смысл обрела.

Проснулась Фрейя раньше него. На локте приподнялась – смотрит в лицо любимое, наглядеться не может. Вздыхает тихо да тяжко: совестлив брат, проснётся – о невесте вспомнит, терзаться начнёт. Рухнет нечаянное счастье.

А сегодня ещё и Брисингамен готов должен быть... Как представит Фрейя плату, что цверги потребовали, – так передёрнется вся. Особенно после брата, молодого да пригожего... Впрочем, она изначально не собиралась им «платить». А сейчас... Интересно, что брат скажет на это?

Пещеру им обрушит?

– Фрейя? – сонный голос выводит царевну ванахейскую из раздумий. – Почему так темно, где мы, в плену? Асы добрались до Ноатуна?..

Царевна вздыхает. Сейчас начнётся...

Не обладает даром прорицателя Фрейя, но здесь как по рунам всё прочла.

Помрачнел челом Фрейр, встрепенулся. Высвободил плечо, сел на ложе, покрывалом прикрылся.

– Фрейя, – голос глухой, ровно из бочки доносится. – Я ведь жениться вчера должен был. Эта ночь должна была стать брачной ночью. Что мы наделали?..

Возводит очи к потолку богиня красоты. Сам на неё после поцелуя набросился, да с таким жаром да пылом... А теперь каяться приспичило.

– Сигюн, – бормочет Фрейр, соскакивая с ложа. И тут же оседает обратно, пытаясь дотянуться до брошенных штанов сидя, прикрываясь покрывалом. – Сигюн, бедная моя Сигюн...

– Фрейр, ты достаточно хорошо сложен, чтобы стесняться, – раздражённо говорит Фрейя. – Тем более сейчас.

С упрёком поворачивается к ней ван:

– Добилась своего, сестра? Довольна? Теперь понимаю я, отчего невеста моя не по душе тебе была. Ну же, торжествуй, пляши победный

танец! Теперь наш брак наверняка можно считать расторгнутым – какая дева выйдет замуж за жениха, забывшего о собственной свадьбе?!..

Поднимается и Фрейя. Тело роскошное не укрывает, как есть нагая стоит перед братом, не стесняется. И то сказать – снявши голову, по волосам не рыдают.

– Что ж ты не оттолкнул меня, коли так невесту любишь? – колко, зло спрашивает. – Что ж бросился меня искать в свадебный свой день? Что ж остался? Я тебя за рукав не тянула, брат.

Прекрасна Фрейя даже в гнев. Смутился Фрейр, взгляд опустил. Крыть нечем – сам остался. Сам поддался жару запретному. Как теперь невесте в глаза смотреть? Как клятвы сдержат, друг другу данные?

А что отец об этом скажет?.. Кабы чужая дева была, проще было бы. Здесь же все – семья, все кровными узами связаны... Не сбежишь.

«Стану царём – запрещу кровные связи», – думает Фрейр в сердцах.

Вздыхает тяжело царевич ванахеймский. Но делать нечего – расхлёбывать надо, что заварил.

– В Асгард возвращаться надо, сестра. Отец, верно, места себе не находит. Как бы не обвинил он асов в моём исчезновении да перемирие не нарушил, – твёрдо говорит он, застёгивая камзол. И, не выдержав, добавляет уже тише: – Ты бы оделась, Фрейя...

– А не то – что? Боишься, что второй раз не сможешь уйти? – с вызовом спрашивает Фрейя. Наклонившись, поднимает одеяние своё. – Ты иди, а я пока останусь.

– За ради какой такой надобности? – хмурится Фрейр.

– Ради Брисингамена, любезный брат.

***

– Куда прёшь?

Ледяные алебарды преграждают путь посыльному Лафею.

– Мне к царю, отчитаться о поручении.

Стража переглядывается. Один, повыше, сплёвывает ледышкой:

– Проваливай давай. С поручением он...

Недоумённый йотун разводит руками:

– Но мне приказано...

– Что за поручение? – вопрошает главный советник, появившись будто из ниоткуда.

Посыльный светлеет лицом:

– Царь Лафей посылал меня найти царевича Локи, но его нет в Асгарде...

– Где же он? – участливо спрашивает Ингвар.

– В Свартальфхейме...

Очи Ингвара вспыхивают нестерпимым алым блеском. Но вот он вновь собран и вежлив – образцовый государственный деятель.

– Царевича, должно быть, сопровождает большой отряд, как и пристало его чину, – как само собой разумеющееся произносит он.

Но посыльный Лафея, не чуя подвоха, радостно возражает:

– Все нет. Это-то и странно, что он отправился в полном одиночестве! Даже сын Одина, с которым они неразлучны, не пожелал отправиться с ним. Говорят, во дворце был большой скандал... Говорят, Одноглазый изгнал его... А иные говорят, что во дворце полыхало всё утро и целый день после, так, что до горизонта пламя светилось... Всё-таки я могу пройти к царю Лафею? – спохватывается он наконец.

Ингвар приобнимает посыльного за плечи, ненавязчиво подталкивая в направлении, противоположном закрытой двери.

– Царь Лафей отдыхает, – говорит он. – Твои новости, безусловно, важны, но я сообщу их наутро. А пока не отдашь ли ты письмо, с которым посылал тебя царь?..

– Так я отдал его, – столь же простодушно отвечает посыльный. – В Асгарде дядя мой проживает по матери. Он и доставит письмо, как царевич Локи возвращается.

Главный советник прикрывает глаза.

– Это ты хорошо сделал, – искусно пряча досаду, говорит он. – Дядя – это хорошо...

***

– Сигюн! Открой!..

Прозвав ещё раз пять и не получив ответа ни на стук, ни на зов, Нанна вздыхает.

Что за вздор вселился ей в голову! Надерзить отцу, запереться – Нанна бросает взгляд за окно – и уже пятый час кряду не желать видеться с семьёй! Нечестно, понимаешь ли!.. Да с этим мерзавцем только так и надо!..

...Вспомнила жена Бальдра довольную усмешку Локи, когда оглашали ему условия. И бровью не повёл, мерзавец, когда послали его к цвергам. Ждали, что потребует тот эскорт стражи, хотя то и бессмысленно: в узких туннелях большой отряд только застрянет да задержится.

Младший же царевич Асгарда не стал ни торговаться на выставленные условия, ни просить отряда. Даже собственного брата не захотел с собой брать, хоть Тор и вызвался сразу, как услышал.

– Будет тебе корабль, тещушка, – только и вымолвил безмятежным голосом. И улынулся. Да столь счастливо, что Бальдр едва вновь на него не кинулся. Лишь незаметный, но чувствительный тычок от царственного брата заставил его обуздать себя.

Только одно послабление выторговали для Локи. Как и говорил Ньёрд, настоял Один на сроке в неделю вместо трёх дней. Подул себе в бороду, опёрся на Гунгнир многозначительно. И царь ванахеймский, не желая накалять обстановку, вновь ткнул брата, заставляя согласиться.

– ...Да Сигюн же! Ну и сиди тут, пока не поумнеешь, негодница!..
– в сердцах бросает Нанна, поворачиваясь уходить.

Богиня верности сидит, обхватив колени руками. Привычны крики от матери: та любит покричать, да сердце у неё отходчиво – тут же и приголубит, и всплакнёт над обиженным раньше, чем у того самого слёзы обиды высохнут. Но теперь на то надеяться не стоит. Столь серьёзных размолвок с семьёй у неё ещё не было.

Но не было и повода! Слова Бальдра обычно не расходились с делом. То, что она услышала сегодня, не вязалось с привычным образом. После сегодняшнего разговора пошатнулась не любовь Сигюн к отцу – пошатнулось уважение.

Что страшнее?..

А может... может, она о нём многого не знает?.. Он никогда не посвящал семью в дела, обсуждаемые с братом. Лишь участь заложника и сплотившее всех несчастье развязало ему язык – при них. Может... может, он не столь светел, как кажется?.. Свет может убивать. Она знала это и раньше, но никогда это знание не было столь острым, как сегодня в тронном зале.

Чем же тогда свет лучше тьмы?

Чем же тогда Бальдр лучше Локи?..

Отчего они враждуют? Столько лет была она убеждена, что всё это – происки бога обмана. Теперь уже не уверена...

Мысли Сигюн скачут, будто горные козочки по крутым склонам. Локи... Бог коварства и обмана. Она слышала о нём столько ужасного... Так, что не сразу поверила, что вот этот худощавый улыбчивый ас и есть знаменитый Обманщик. О нет, она не скажет, что его слава преувеличена, вовсе нет!.. Он женился на ней обманом, чтобы отомстить её отцу. Горечь не утихает с тех пор, как она это осознала.

Но... разве она видела от него что-нибудь дурное сверх женитьбы?..

Он показал ей горы Альвхейма. Вытащил её в другой мир впервые в жизни – сколько раз она просилась у Бальдра отправиться хотя бы с Форсети на очередной его процесс?.. Ухаживал за ней – легко и весело, порой неожиданно, в неподражаемой манере трикстера.

...Он не воспользовался ни своим правом мужа, ни возможностью свободно взять её в чужой личине в брачную ночь.

Если бы он не был асом... Если бы он не был врагом отца... Если бы не клятва Фрейру... Она бы приняла его ухаживания?

Да.

Простое и ясное осознание накатывает, будто вечерний дождь, что смывает дневную пыль.

Признание.

И надо же это понять, когда даже слепому ясно, что всё затеяно ради Бальдра!..

Сигюн поднимается, подходит к окну. Смотрит вдаль, прислонившись лбом к прохладному стеклу.

«Один не простит, если с Локи что-то случится...»

Щемит сердце от этих слов. Не хочет Сигюн, чтобы вновь вверглись в войну два мира, не успев толком из прежней выкарабкаться.

А пуще того не хочет, чтобы случилось дурное с царевичем двух миров.

Оторвавшись от стекла, богиня верности сосредоточенно принимается собирать дорожную суму.

***

Фригг, сбросив плащ, ещё не обсохший от дождя, присаживается рядом с мужем.

– Я столько пропустила, отлучившись спозаранку из Золотого Чертога, – качает она головой. – Даже не успела поздравить Локи с новым статусом...

Один фыркает:

– Было бы с чем – с подставной свадьбой!.. Воистину, женитьба, достойная бога обмана.

Царица мягко улыбается:

– Быть может, он и совершил необдуманый поступок, но теперь ему придётся разгрести последствия, а значит, взрослеть. Жена – не рукавица, не стряхнёшь, за пояс не спрячешь. Даже обманная жена.

– Да уж, стряхнёшь вас, пожалуй, – тихонько бурчит в бороду царь Асгарда, на что получает возмущённое «Эй!..»

И родственник тычок в плечо.

– Я так мало знаю эту ванийку, – становясь серьёзнее, произносит царица асгардская. – Надо бы поближе познакомиться. Хотелось бы знать, в кого уродятся мои приёмные внуки.

– Ты только Локи этого не говори, – хмыкает Один. – Он и сам не прочь с ней поближе познакомиться. Так что о внуках – это к Тору. Через пяток-другой годиков.

Царица недоумённо смотрит на мужа. Но вот понимание отражается в глубоких серых очах.

– То есть... брак фиктивный?

– Да. Сигюн сказала. И вот тут я сына не понимаю, – пожимает плечами Всеотец. – Будь я на его месте... – не договорив, он протяжно и сладостно вздыхает.

Вопреки ожиданию, Фригг даже не одаряет его привычным грозным взглядом. Смотрит мягко и расслабленно, улыбаясь краешками губ. Не раз подмечал Один такую улыбку и у младшего сына, не переставая дивиться, как неродная кровь сумела стать родной.

Или всё же – не сумела?

Капля за каплей падает в чашу яд... Не касается тела, но всё сильнее разъедает душу.

– А я понимаю, – уверенно говорит Фригг, выдёргивая Одина из грустных раздумий. – Это значит, что она дорога ему более, чем он думает. Или хочет думать.

– Вот и мне этот брак по душе, – задумчиво вторит жене царь Асгарда, ненавязчиво найдя ладонь Фригг. – Он станет залогом мира куда лучшим, чем заложники. Их нельзя держать вечно, а браки заключаются если не навсегда, то надолго. Для укрепления мира хватит. Думаю, Локи вряд ли согласится на развод по причине своей мужеской неспособности, – со смехом добавляет он, сжимая уже обе ладони царицы. – А уж низкий статус царевичу двух миров всяко не грозит!..

Фригг склоняет голову на плечо Одина.

– Хитрец перехитрил сам себя, – молвит она. – Только ещё сам того не понял. Пусть пока головушку у цвергов проветрит!..

Глава 9. О битвах и привалах

– Ах, всё на свете против нас: и люди, и пространства.

И вы мне снились в эту ночь опять с ножом в груди.

– Но ведь за нас моя любовь, моё в ней постоянство.

– Ах, нет, милорд, ах, нет, милорд, несчастья впереди!..

*Дуэт королевы и Бэкингема
из к/ф «Д'Артаньян и три мушкетёра»*

Огонь. Огонь – от края до горизонта. Будто и впрямь наступил Рагнарёк.

Будто не выдержали девять миров гордыни, заполонившей их.

Бежать? Куда? И есть ли смысл в этом бегстве, если куда хватает взгляда плещется пламя – рыжее, злое, яростное... Безумное в своём веселии, надеется утолить извечный голод, ненасытное.

Треск. Запах гари и дыма проникает в лёгкие, унося прочь доводы рассудка. И вот уж ноги сами несут – прочь, прочь!..

– Отец!..

Так его могут называть лишь двое. Но у Форсети голос не столь звонок.

– Что скажешь, тещушка?

А уж *этот* голос он узнает из тысячи. Как же порой хочется, чтобы у его обладателя вовсе не было возможности говорить. Хоть бы рот ему кто зашил, что ли!..

Оборачивается бог света – и ноги будто к земле прирастают. Даром что вокруг полыхает.

Дочь его стоит посреди бушующего пламени, объятая им. Стоит, ровно былиночка в поле. Будто на пригорок весенний погулять вышла – также свежа и нежна.

- Отец...
- Сигюн!..

Рванулся Бальдр навстречу дочери – да взметнулось пламя перед ним, злое да колючее. Плюёт в лицо, огрызается. А из огня слова доносятся, быстрые да колкие:

– Нет тебе хода к ней, тестюшка. Настал и мой час мести. Моя Сигюн отныне! Вовек моя!.. Да не силой взята, не дурманом околдована – по своей, по *доброй* воле в объятия мои она ступила!..

И хохот – громкий, злорадный. И треск пламени будто громче. А языки его ровно выше да ярче, хотя куда уж – и так едва в небо не упирается...

- Отец. Не ходи за мной.

Развернулась Сигюн, к самому высокому столбу огня прижалась, ровно друга милого обнимает. Шагнула сквозь него – и пропала.

А Бальдр в ту же минуту глаза открыл. В потолок тёмный смотрит, не понимает ничего. То имя дочери выкрикнет, то кары на голову зятя своего призовет...

– Бальдр! – просыпается жена его. Видит, что тот не в себе, руки на плечи ему кладёт, к себе привлекает, к телу родному. – Муж мой, опомнись!.. Привиделось что?

Дышит бог света глубоко, потихоньку в себя приходит, сон от яви отличать начинает.

– Привиделось, – отвечает мрачно. – Если этот гадёныш не сломает шею у цвергов, собственными руками сверну!..

***

Сигюн нерешительно топчется перед конюшной. Столь ранним утром туда ещё надо пробраться – желательно тихо. А царская конюшня внутри охраняется...

Да. Об этом она не подумала.

А ещё – приходит в голову внезапная мысль – лошади в принципе бесполезны. Локи ведь уехал на Фенрире. Никакая лошадь не поедет бок о бок с волком.

Ну не пешком же ей за ним идти?!..

– Утро доброе, госпожа, – говорит конюх Бради, бесшумно растворяя двери конюшни. – Вы чего, опять покататься в эдакую рань хотите?

Сигюн молчит, не желая вновь сцепляться со злым на язык асом. Кажется, сейчас её вернут домой, как нашкодившую девчонку...

– Никак, госпожа Сигюн, вы сбежать задумали, – продолжает конюх, оглядывая цепким взором и тёплый плащ ванийки, и котомку, самым краешком выглядывающую наружу. – Да ещё желаете, чтоб никто про то не прознал. И сбежать хотите не иначе как за молодым царевичем.

На последних словах на лице конюха расцветает усмешка, и Сигюн злится: она что, настолько прозрачна для какого-то конюха? Что тогда говорить о страже?.. А о Хеймдалле?.. Да он вовсе её никуда не выпустит!

– Тебе-то что за дело? – резко отвечает она. – Я гостя царя Асгарда, могу находиться, где пожелаю!..

– Да вы не обижайтесь, госпожа, – уже без усмешки продолжает Бради. – Вы давеча для меня доброе дело сделали: не выдали, когда языку я удержу найти не сумел. И нынче я вам помочь хочу.

Раскрывает Сигюн очи недоверчиво. Помощь? От *aca*?.. Ей, заложнице?..

– Царевич Локи лошадей не уважает, всё на волке своём ездит, и в этот раз на нём уехал. Так что на лошади вам ехать не след. Только из Асгарда на ней выберитесь да там из вод морских змея мирового поклитьте. Ёрмунгандом он прозывается. Царевич Локи его как-то от смерти спас. Сказывают, собственному брату помешал убить его. С тех пор змей тот у него в должниках. Поклитьте его да расскажите, куда да за кем вы направляетесь, он и сvezёт вас. Если не испугаетесь, конечно, госпожа Сигюн, – насмешливо добавляет Бради, и дева, при упоминании мирового змея струхнувшая, выпрямляется.

– Не испугаюсь, – молвит гордо. И, посветлев лицом, улыбается: – Стало быть, и ас вану помочь может...

Молчит конюх. Но вот скупая улыбка трогает и его губы.

– Когда-то было так, госпожа Сигюн. Может, вам с царевичем Локи и суждено вернуть то вновь...

***

– Куда твой хахаль-то подевался? – недоверчиво вопрошает с утра Фрейю Двалин, старший из цвергов. – Али брат он тебе? Одно лицо на двоих будто, а я полночи из-за ваших... братских изъяснений уснуть не мог!..

Вздыхает царевна ванахеймская:

– Дела неотложные внимания требуют. Отец в отъезде, нельзя царство без присмотра оставлять. Как всегда, бросают меня в одиночестве... – Надутые губки. Нахмуренные бровки. Ни дать ни взять – девчушка, у которой куклу отобрали, а не гордая царевна.

– Отчего же в одиночестве? – мурлыкает невесть откуда появившийся Берлинг. – Мы готовы скрасить его тебе, о Прекраснейшая.

– Ожерелье готово, – добавляет Альфриг. – Почти, – спохватывается он тут же.

Оживляется Фрейя. Хмурится Двалин.

– Взгляни, царевна, – торжественно молвит Грер. На бархатной алой подушечке лежит-переливается ожерелье.

– Ты его ещё не примерила, царевна, а я уж силу его чувствую, – говорит Альфригг, ближе к Фрейе подходя. – Прямо влечёт меня, понимаешь, к тебе, неудержимо. Всё, как ты и просила.

– Теперь оплату нам, – вновь мурлыкает Берлинг – И тогда не останется в девяти мирах ни одного мужчины, что пред чарами твоими устоять бы сумел, Фрейя Прекраснейшая!..

Улыбается богиня красоты. Руку вперёд протягивает, ладонью повернутую: де ничего в рукаве не прячу, вот она я!..

– Дозвольте примерить, – нежно молвит. Взмах ресниц – будто ветерок весенний по пещере пронёсся.

Как откажешь весне?

– Примерь, – неуверенно говорит Берлинг, на старшего оглядываясь.

Взяла Фрейя ожерелье. Подержала в руках благоговейно. Примерила к груди высокой и так, и эдак. Замерли цверги.

Застегнуть попыталась. Волосы густые отбросила в сторону, да всё одно за спиной несподручно орудовать.

– Помогите. – А это уж не просьба – приказ. Скрылась на миг нежная девушка, грозная царевна показалась.

Двое братьев едва лбами не столкнулись, на помощь кинувшись.

Выпрямилась Фрейя. Повернулась царственно, неторопливо в одну сторону. В другую. Зеркал нет, да ей будто и не нужно.

– Когда оплату вносить? – молвит вновь нежным голосом. Бархатным, что твоя перчатка.

Что ножны для кинжала.

Переглядываются цверги. Улыбаются.

– Да хотя бы и сейчас, – пожимает плечами старший.

Опускает Фрейя очи, будто смущается. Огоньки задорные прячет.

– Я-то согласна... Только, – оглядывает брезгливо пещеру, – в другое бы место перебраться. Я тут уж четверо суток, плохо мне от вашего воздуха подземного. Да и... сами заметили, с братом родным возлечь здесь пришлось. Осквернила ваш дом, но да не оскверню ваше ложе. На лужайку бы мне, на бережок ли...

А сама плечами поводит, будто невзначай, и платье сползает с плеча белого. Самую малость. Но для распалённого воображения и щепка – полено.

– Ну хорошо, – нетерпеливо восклицает Грер. – Пойдём же.

– Куда? – осаживает его Двалин. – Я первый! По старшинству! С каких пор мальчишки разговаривают?

Подхватывает Фрейю за руку крепко, к выходу ведёт. А та и льнёт к нему то бедром, то локотком. Разгладилось чело цверга. Предвкушать начал он любовь Фрейи сладкую. Не заметил, как хватку ослабил.

А из пещеры к тому времени уж вышли.

– Ммя!..

Метнулась Фрейя в сторону, ладонь выдернула. Кошки, хозяйку почуяв, рванули к ней. Подхватил Фрейр сестру, на колесницу посадил. На кошек, будто на коней резвых, гикнул. Прогнули те спины, мявкнули дружно – и понесли что есть духу.

Сверкает на солнце Брисингамен. Смеётся Фрейя. Через колесницу свесаясь, рукой машет выбежавшим братьям:

– Спасибо за ожерелье!.. Оплата будет в следующий раз!..

***

Хмур и неприветлив Свартальфхейм. Будто спрашивает незваного гостя: зачем пожаловал? Убирайся-ка подобру-поздорову!..

Только шестерых йотунов, укрывшихся за высокими камнями, не трогает гнетущая атмосфера. После вечно мрачного Йотунхейма как бы не слишком ярким им Свартальфхейм кажется.

– Долго нам ещё ждать? – сплёвывает один. – Ингвару хорошо, сидит себе среди родных снегов, а мы торчи тут на голых каменюках Один знает сколько!.. Ещё не стал царём, а уж наблатыкался приказы-то отдавать...

– Тебе что за дело? – пожимает могучими плечами второй. – Нам платят, чтобы мы делали свою работу. И хорошо платят. Делай и заткнись.

– Да я же не против, – тушуетя первый. – Просто хотелось бы побыстрее...

– Тшш!... – шипит третий, чуть возвышающийся над самым высоким валуном. – Вон он!..

На повороте вырисовывается чёткий силуэт всадника. Только едет тот непривычно низко и мягко.

...Локи, беспечный, совершенно довольный произведённым впечатлением на Бальдра, вовсе не страшился предстоящего приключения. Слышал он про цвергов немало мрачного. Только богу обмана ли не знать, что слабое место есть у любого, лишь поискать да надавить как следует. А там, где сила, умаявшись, отступится, хитрость сквозь закрытую дверь пройдёт.

Оттого лишь посмеялся лукавый бог, услышав требование ванов. Думал, сложнее что потребуют...

Расслабился Локи. Победой над врагом своим упивается, победу скорую над цвергами предвкушает да возвращение триумфальное. Интересно, что Бальдр скажет, когда он под ноги ему Скидбладнир расстелит?.. Снова светом плевать начнёт?.. Или?..

Фенрир затревожился. Носом повёл вправо-влево, ушами прынул, фыркнул. Остановился.

– Что такое?

Наклонился царевич – посмотреть, не поранил ли где лапы зверь. То его и спасло.

Шипящий свист. Такой знакомый, такой... *родной?*

Вот уже йотун восседает на волке, сам готовясь запустить ледяной шар с ладони.

Только, завидев летящие в его сторону ледяные снаряды да йотунов, скачущих наперерез, передумал Локи льдом обороняться.

Огненный шар. Второй. Четвёртый...

– Вам глаза снегом запорошило? – кричит. – Царевича не признали?

Падает крайний йотун на землю. А зверюга его путь и без всадника продолжает.

– Отчего же, признали, – скалится самый крупный йотун. – Оттого и встретить тебя хотим со всей ледяной душой!..

Каскад ледяных стрел обрушивается на Локи. Едва успевает тот стену огня выставить да растопить их все.

Фенрир скалится. Спрыгивает Локи наземь, за его спиной укрывается. Оттуда огнём мечет.

– Полукровка, – шипит всё тот же йотун-заводила. – Думаешь, подвластна тебе чужая стихия, так то спасёт тебя?

И с копыта в его руке, казавшегося ледяным, сползает наземь лёд. Железное, летит оно в царевича.

Да Фенрир, извернувшись в прыжке, ловит его зубами. И надвое перекусывает.

А следом перекусывает и метнувшего копьё йотуна.

Локи быстро оглядывается по сторонам. Если их только шестеро, то Фенриру они – на ползубка. Если ещё пара отрядов в засаде не притаилась...

Мелькает в воздухе тонкая золотая цепочка. Ещё не понимая, что это, Локи чувствует неприятный холодок. И тот превращается в настоящий холод, когда огромный волк, обвитый тоненькой цепочкой, не может двинуться.

Инстинктивно рука бога обмана дёргается к горлу, касаясь столь же тонкого, сколь и надёжного стража.

Йотунов лишь четверо, но они все верхом на чудных своих зверях, а он остался пешим. И Фрейиной накидки больше нет...

Огонь. Лёд. Кто кого?..

Только он один, а их четверо. Может, надо было всё же брать с собой Тора?..

Локи поднимает было руку для нового огневого залпа – и локоть пронзает боль. Рука повисает плетью.

Следующий меткий удар – он успевает это отметить – приходится на вторую руку.

Это пустяк. Он быстро восстановится.

...Только у него не будет времени.

И, когда отчаяние уже охватывает Локи, стремительное сильное тело сбивает его наземь, отшвыривая в сторону.

...Раздавленные трупы йотунов и их зверей. Никто не ушёл от смертельной хватки мирового змея.

– Да уж, – качает головой Сигюн. – Может, уберёмся отсюда подальше?

– Надо было хоть кого-нибудь оставить в живых!.. – морщится Локи. – Так я даже не знаю, по чьёму приказу они действовали!..

– Они хотели тебя убить, – пожимает плечами ванийка.

– Спасибо, а то я сам об этом никак не догадался, – язвительно отвечает бог обмана. И наконец задаёт очевидный вопрос: – А что здесь делает дочь младшего царевича ванахеймского, хотел бы я знать?

Сигюн равнодушно пожимает плечами:

– Я не желаю, чтобы из-за меня разгорелась новая война. Поэтому помогу тебе достать этот дурацкий выкуп. Как видишь, моя... наша помощь тебе уже пригодилась.

А сама осанку держит – ровную-ровную. Дунь на такую – переломится, к ногам рухнет...

– Ой ли?.. – прищуривается лукаво бог обмана. – А я уж решил, что ты по мне соскучилась...

– Можешь думать что хочешь, – сухо отвечает Сигюн. Подойдя к Фенриру, снимает пленившую его цепь и прячет за пазуху. Запрыгивает на змея верхом и, не глядя, бросает Локи:

– Мы едем? Сроку на всё неделя, сутки уже минули.

***

Колесница, запряжённая двумя кошками, подъезжает к Золотому Чертогу.

Бради, принимая животных, ворчит себе под нос:

– Скоро честному конюху совсем работы не останется... Мало нашего царевича с выкрутасами – так и ванийские не сильно умнее!..

Только царевич с царевной не слышат его ворчания. Фрейр – торопится отцу объявиться да пред невестой предстать. Не знает, как ей теперь и в глаза смотреть, как клятвы, данные друг другу, сдерживать. Да и захочет ли она вообще его слушать, на свадьбу не явившегося?..

Фрейя же выступает спокойно да гордо, по сторонам ровно вовсе не смотрит.

– Мой царевич!.. – Скирнир выходит навстречу Фрейру, будто ждал – да так оно и было. – Как я рад видеть вас – невредимого!..

Опускает Фрейр голову.

– Верно, мой отец извёлся весь, – молвит он. – Как ещё не гудит весь Асгард, я удивлён.

Скирнир мнётся. Вроде бы и надо сообщить, а вроде бы... Ох, тяжка работа дурного гонца!..

Даже для любимого слуги.

– Мой царевич... Царь Ньёрд знал, где вы, – деликатно начинает он. Фрейр останавливается.

– Как скоро ты рассказал ему? И о чём?

Скирнир удивлённо пожимает плечами:

– Ни о чём, мой царевич. Я ведь и не знал, куда вы направились. О том поведали другие. Ваша бывшая невеста, к примеру.

– Сигюн... – вина остро колет Фрейра, и он не сразу замечает странность в словах слуги. И лишь спустя минуту спохватывается: – *Бывшая?* Сигюн... откуда, я ведь... Я могу всё объяснить... Где она? – требовательно спрашивает он, внутренне распаляясь.

Да, он хорош – сбежал, сошёлся с сестрой... Но и Сигюн – расстаться вот так, заочно, да ещё на весь дворец – иначе откуда слуге знать об этом?..

– Бывшая! Вот ещё!.. Где Сигюн, моя *невеста*? – раздельно поизносит он, внутренне уже переложив ответственность на её плечи.

Скирнир вздыхает, наслаждаясь последними мгновениями спокойствия и неведения.

– Мой царевич... Ваша невеста – ныне жена бога обмана Локи, младшего царевича асгардского.

***

Вечерние тени легли на долину. Вытянулись, заострились.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – Локи мягко осаживает Фенрира, и тот останавливается, позволяя соскользнуть с себя.

В стороне от дороги лежит замшелое бревно. На него бог обмана и усаживается, непринуждённо закинув ногу на ногу. Будто не в чужой долине сидит, а у себя в Асгарде.

Или в Йотунхейме.

– Неужели муж твой настолько ужасен, что его обществу ты готова предпочесть общество диких зверей и местных жителей? – насмешливо вопрошает он Сигюн, направившуюся в сторону от дороги. – Цверги не любят чужаков.

Ванийка оборачивается.

– Я хочу набрать хворосту. Или ты предпочтёшь замерзать в темноте и холоде?

У ног Локи рыжим пламенем вспыхивает костёр.

– Магические штучки, – бормочет Сигюн, но всё же присаживается на край бревна – подальше от Локи. Но вскоре невольно пододвигается ближе.

Пламя костра завораживает. Кажется, вокруг становится ещё темнее, ещё опаснее. Чужой мир, не слишком дружелюбный... Но тепло огня отгоняет страхи, возвращая душе ясность.

Язычок пламени подкрадывается к её ноге. Не успев отскочить, Сигюн вскрикивает, опережая боль.

И удивляется тому, что боли нет.

– Я ведь всё-таки бог огня в первую очередь, – немного печально говорит Локи. – Об этом почему-то забывают...

Пламя ластится уже к коленям Сигюн, и она, дрожа, протягивает руку, чтобы погладить огонь. Тот, взвившись, обвивается вокруг её ладони. Щекочет запястье, вызывая лёгкий смешок – и неконтролируемое тепло в душе.

– Почему – огонь? – спрашивает Сигюн, вспоминая дневное побоище.
– Ты ведь наполовину ледяной великан.

Локи молчит. Желание сплести красивую легенду умирает само собой.

– Хотел согреться, – отвечает он наконец.

Огонь расцветает в её руке рыжим цветком. Наливается алым. Как кровь. Как восход над горами.

Как цветок, в далёком детстве добытый для неё застенчивым мальчишкой, не побоявшимся влезть в бурный водопад...

– Какой красивый, – тихо говорит Сигюн. – У меня когда-то был похожий цветок. Тоже красный, будто пламя. Его для меня достал какой-то мальчик... Не из ванов, приезжий. Не помню, как его звали. Помню, цветок так долго стоял, будто едва сорванный – несколько лет... Когда мы подросли, Фрейя начала хвастаться ухажёрами и дарами. И так обиделась, узнав, что из нас двоих дар первой вручили мне... Порой кажется, она до сих пор это не может забыть.

Что-то тревожит Локи в словах девы. Воспоминания из детства – те, что он так не любит, – всколыхиваются волной.

«Я – ледяной великан, я чужой здесь...» Не то, дальше, раньше...

Ледяная волна. Водопад, грозящий расплющить о камни маленькое тело. Зачем он туда полез?

Девочка в белом платье. Алый цветок...

– Водяная лилия, – Локи не узнаёт свой голос. – Это была водяная лилия.

Сигюн смотрит на него во все глаза.

– Так это был...

– Так это была...

Оба отворачиваются. Сигюн – пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Локи – складывая воедино восхитившую когда-то, почти забытую девочку и взрослую, прекрасную, гордую деву.

Молчание повисает над костром. Лишь пламя, беззаботное, потрескивает также весело.

– Неудивительно, что царская семья Асгарда наносила визит Ванахейму, – говорит наконец богиня верности. – Странно, что я этого не помню.

Локи улыбается уголками губ:

– Один таскал нас с братом повсюду. Пока не началась война.

По памяти воссоздав алую лилию, вручает Сигюн. Та берёт её. Крутит в руках так и эдак, будто сверяет с той, памятной. Поднимает глаза на бога обмана.

И сглатывает от близости лица, в отсвете костра ставшего ещё притягательнее – как в тот памятный вечер после помолвки Тора. От близости тела, чьи объятья она уже успела испытать. Кровь мчится по венам, умоляя, требуя – прикоснуться, обвить, как лоза...

Кажется, между богами искрит даже воздух.

Краешком сознания Сигюн понимает, что должно сейчас произойти. Но не отворачивается. Не делает попыток сбежать, отодвинуться, закрыться.

Не находит сил.

Локи наклоняется к ней ближе. Так, что она видит его расширившиеся зрачки.

Лицо бога обмана приобретает хищное выражение. Наконец-то он сумеет отомстить Бальдру в полной мере!..

Локи склоняется совсем близко. Так, что слышит, как учащённо бьётся её сердце. Чувствует прерывистое тёплое дыхание на своём лице.

Рот Сигюн чуть приоткрыт – то ли в попытке что-то сказать, то ли готовясь к поцелую. Губы блестят в свете костра, и Локи кажется, что соблазнительнее зрелища он не наблюдал давно.

Отчего же он медлит? Отчего не вершит сладкую месть?..

...Бальдр? Кто такой Бальдр? Зачем он?

Девочка в белом платье. Алый цветок. Вода, ставшая льдом. Заложница пред враждебной толпой... Как холодно! Как жарко...

Как страшно. Отчего – так страшно? В ледяную воду нырнуть было легче...

– Локи...

Он скорее почувствовал, чем услышал. И, уже почти коснувшись её губ, в последнее мгновение бог обмана отклоняется.

Целует её в лоб. И шепчет сонное заклятье.

Подхватив мягко оседающую деву, Локи укладывает её. Укрыв собственным плащом, смотрит на манящие черты лица. На упавшую прядь волос. На мерно вздымающуюся грудь.

И с чувством говорит себе:

– Идиот!

Глава 10. О сокровищах и раздумьях

*Какой фигляр и сердцеед!
Теперь простак и даже тень
От прежнего кутилы.
Не знает, как найти подход
К той, что в себя влюбила.*

Из спектакля «Сон Фигаро»

Стук в дверь заставляет и без того хмурого Бальдра нахмуриться ещё сильнее.

– Отец. Мама, – короткий кивок Форсети немного смягчает выражение лица бога света. – Сестра не у вас?

– Сигюн не желает ни разговаривать с нами, ни даже открывать двери, – раздражённо говорит Нанна. – Ты же слышал, как она обвинила нас якобы в бесчестии!.. Не желаю с ней даже разговаривать, пусть дуется сколько угодно. Пока не образумится.

– Сигюн нет в покоях, – отвечает Форсети, и Бальдр, встрепенувшись, словно боевой конь, оборачивается к нему:

– Как нет?

– Я тоже приходил к ней, – с нарастающей тревогой рассказывает младший ван. – Хотел поговорить, просил впустить. Меня насторожила тишина – ни вдоха, ни шороха. Я кричал, колотил в дверь – никакой реакции. Спать она не могла – проснулась бы от крика. Тогда я применил некоторые специфические навыки... – он смущённо отводит глаза, но тут же продолжает: – В общем, в покоях её нет. Я думал, может, она у вас или у дяди Ньёрда – куда ещё пойти заложнице в чужом царстве? Но её нет ни у дядюшки, ни здесь, значит...

– Сбежала, – ахнула Нанна, прижав ладонь к щеке. – Сбежала за этим мерзавцем, негодная!..

Бог света, побледнев, поднимается на ноги.

– Это он, – как во сне, шепчет он. – Это он увёл её с собой, украл цветок моей души... Я выколю ему глаза, выжгу сердце... если оно у него есть, конечно...

– Отец, думаю, у нас есть повод обратиться к царю Одину, – трогает Бальдра за руку сын. – Пусть спросит Всевидящего, где Сигюн. Может, она тихо рыдает где-нибудь в уголке дворцового сада.

– Нет, это он, – будто не слыша доводов Форсети, продолжает, покачиваясь, бог света. – Я чую, это его рук дело...

Хеймдалль сообщил неутешительные вести.

«Сигюн там, где и должна быть, – подле мужа. Волноваться о ней нет причин» – так звучали слова Стража.

Форсети пришлось уводить отца, крепко держа под руки. Иначе Бальдр полез бы в драку и с Хеймдаллем. Во всяком случае, вид у него был именно такой.

Нескончаемый поток угроз, проклятий и сожалений выводит бога правосудия из себя. Он так давно не был с семьёй, соскучился и жаждал провести короткое свободное время в более приятных беседах. Не для того он сворачивал последний процесс у альвов в рекордные сроки, вызвав их недовольство, чтобы битый час выслушивать брюзжание отца о давнем враге.

– Отец! – резко обращается он к Бальдру, остановившись прямо посреди улицы. – А тебе не приходило в голову, что Сигюн ушла за Локи добровольно, без всякого колдовства? Знаешь, обвиняя нас, она не выглядела очарованной. Я вёл не одно дело, в том числе и с магическим принуждением, и знаю, о чём говорю. Может, она его полюбила? Тебе это не приходило в голову?

Бальдр умолкает, поражённый. Мало было того издевательского сна – явно насланного Локи! – так ещё и собственный сын туда же...

– Ваша вражда мне давно уже поперёк горла! – продолжает меж тем Форсети, более не сдерживаясь. – Уж который век одно и то же!.. Ты сам-то хоть помнишь, из-за чего всё началось? С какой радости два члена царских фамилий разругались в пух и прах, ровно склочные торговки на базаре? Что за чёрная кошка меж вами пробежала?..

Бальдр вздрагивает.

– Именно что кошка, – хрипло произносит он. – Только не чёрная – белая да голубоглазая...

Бальдр не любил кошек. Просто терпеть не мог. Мяукающие наглые создания, совершенно не признающие ни команд, ни иного внушения. Применять же силу к столь хрупким созданиям казалось богу света недостойным честного мужа.

Дворец Ванахейма кишел кошками. Хвостатые твари встречались повсюду – от дворцовой кухни до подлокотника царского трона. Они вовсе не считали последнее вопиющей наглостью, в отличие от младшего брата царя. Тот кипел негодованием, глядя, как невозмутимо вылизывается очередной кот, сбрасывая ошмётки шерсти аккуратно на царский трон.

Ньёрд же относился к ним снисходительно. Даже завёл себе пару любимиц. Не иначе как под влиянием дочери.

Фрейя обожала кошек. Мало двух, избранных ею в собственную колесницу. Она тащила любого найденного котёнка в дом, то есть во дворец. Даже издавала указ о том, чтобы ненужных котят не топили, а приносили лично ей – за умеренную плату. Обрадованные ваны понесли мяукающих в Ноатун целыми корзинами.

Бальдр скрежетал зубами. Но, поразмыслив, он сделал тонкий ход – предложил Фрейе отдавать священных животных морякам на драккары. И крыс поубивают, и удачу принесут... За благословением Прекраснейшей мгновенно выстроилась очередь из храбрых мореходов – примерно такая же, как с корзинами кошек.

Бог света выдохнул с облегчением. Но кошек всё равно оставалось великое множество.

...Новый посол Золотого Асгарда сразу вызвал неприязнь Бальдра. Слишком хорошенький, но не смазливый. Красота обещала со временем лишь заматереть, не отступив под напором веков.

Бальдр всегда гордился титулом Прекраснейшего. И не скрывал этого.

Посол обладал ещё и острым умом. И не в меру острым языком, понял бог света, попытавшись поддеть гостя – в рамках вежливости, разумеется. Тот вернул ему насмешку в тройном размере. И улыбнулся – столь обворожительно, что Бальдр ощутил неимоверное желание познакомиться наглую физиономию с собственными кулаками.

Дипломатический вечер вымотал Бальдру все нервы. Главным образом это была заслуга сына Одина... сына Лафея. Хоть бы определился, что ли...

Погружённый в мрачные думы, Бальдр споткнулся обо что-то мягкое в темноте перехода. Надо будет устроить выволочку слугам – какого лысого демона факелы не заправлены вовремя?..

Испуганная кошка, мяукнув, царапнула бога света по ноге. Это стало последней каплей – не сдержавшись, Бальдр с силой пнул животное, выругавшись вслед.

– Так-так... Оказывается, подданные не всё знают о Бальдре Прекраснейшем, о чьих добродетелях слагают легенды, – раздался язвительный голос, успевший осточертеть за ужином. – Что они не знают ещё? Может, ты принимаешь ванны из крови девственниц?..

Сами собой загорелись факелы на стенах. И в их свете Бальдр узрел младшего царевича Асгарда, который наклонился к отброшенной кошке.

Удар был слишком силён – животное с переломанным позвоночником лежало, выпучив уже остекленевшие глаза.

Бальдру стало не по себе – он совершенно не рассчитывал убивать кошку. Он за всё время ни разу не поднял руку ни на одну из этих хвостатых тварей! И в единственный раз, когда он не сдержался, всё так обернулось!..

Да ещё и этот... царевич, чтоб его... Из-за него ведь он и растерял привычное самообладание!

Бальдр не помнит, какой резкостью он тогда ответил Локи. Тот лишь безмятежно улыбнулся, вновь зачем-то склонившись над трупом несчастного зверька.

...А за завтраком Бальдра ждал сюрприз. Точнее, сюрприз ждал Фрейю. Перед её стулом лежал искорёженный кошачий труп... а рядом – два мёртвых котёнка, так и не раскрывших глаза. Третий, слабо шевелившийся, тихо попискивал, едва разевая маленькую пасть.

Кошка оказалась на сносях...

Бальдр предпочёл не задумываться, каким образом Локи извлёк котят из мёртвой матери без видимых разрезов. Ему хватило скандала, поднятого племянницей. Присоединились и Ньёрд, и Фрейр, и даже Нанна с Форсети. А всё потому, что у Бальдра не хватило совести отказаться, когда Локи с глубоким сожалением будто незначай назвал имя виновника.

...Через пять лет, когда Ньёрду понадобилось отправить посла в Асгард, Бальдр пришёл к брату с просьбой принять собственную кандидатуру.

И тот удовлетворил прошение.

***

Дурин, владыка цвергов, восседает на искусном троне. Сам Хлидскьяльв мог бы позавидовать его изяществу.

– Зачем пожаловали? – гулко вопрошает Дурин, оглядывая взором лукавого аса, чья слава докатилась и до Свартальфхейма, и его спутницу – неизвестную красивую ванийку. – Не тежь себя иллюзиями, Локи: богу обмана здесь не стать желанным гостем.

Локи, вздохнув, даже не взглянув на царя, оборачивается к Сигюн:

– Я ведь говорил, что это изначально провальная идея... Меня даже не станут слушать.

– Но... ты даже не попытался, милый, – осторожно произносит она, касаясь его рукава.

Дурин хмурится, наблюдая за ними.

– Ну хорошо, – выпрямляется Локи с решительным видом. – Достопочтенный Дурин, позволь изложить нашу историю, а после уже прими решение, достоин ли я быть твоим гостем или же нет. Я покину твой дом по первому требованию – печаль моя слишком велика, чтобы ещё искать с кем-то ссоры...

Локи подумывает было пустить одинокую слезу, но решает, что это будет уже слишком. Пусть с этим Сигюн упражняется.

...Он не ждал, что из ванийки получится актриса. Но она поддержала его идею, и сама внесла парочку дополнений к основному плану.

Вполне существенных дополнений, вынужден был признать бог обмана. Но вслух ничего не сказал.

– Досточтимый Дурин и вы, достойные цверги!.. – начинает Локи спектакль, чувствуя привычно охватившее возбуждение – наконец-то он в родной для трикстера стихии! – Вы все знаете, что в начале сего

года наконец-то закончилась кровопролитная война меж асами и ванами. В знак мира царства обменялись заложниками... И вот здесь-то и начинается история, печальнее которой нет в девяти мирах.

Кинув незаметный взгляд на Сигюн, Локи остаётся доволен. Ей даже не пришлось играть: прямая осанка и хрупкость облика, присущие ей, как нельзя лучше подходили к облику несчастной влюблённой.

– Мы полюбили друг друга, – слова бога обман просты и проникновенны, будто исповедуется он задушевному другу в маленькой каморке, а не в огромном давящем зале десятку недружелюбных карликов. – Любили ли вы, досточтимые цверги, настолько, чтобы быть в состоянии отказаться от ваших сокровищ, от ваших пещер и копий, от серого неба Свартальфхейма?.. Наша любовь именно такова. Царевич двух миров, я готов отказаться от ледяного трона, что прочат мне отцы; Сигюн ради нашего счастья согласна забыть о своём высоком статусе у себя на родине... Но родители наши упёрлись, – Локи позволяет себе короткий вздох, – они не желают нашего брака, не желают счастья своим детям. Я был бы рад увезти Сигюн в любой из девяти миров, но невеста моя желает получить родительское благословение.

В глазах цвергов зажглось что-то похожее на одобрение. Приверженность семейному клану у них очень сильна.

– После долгих уговоров и рыданий отец Сигюн, видя горе дочери, всё же дал слабину, – продолжает Локи. – Он потребовал выкуп, достаточно искусный, чтобы мог удовлетворить его взыскательный вкус. Его не интересуют ни золото, ни драгоценности – этого добра во дворце Ванакхейма навалом.

– Он хочет чуда, – тихо подхватывает Сигюн, и взоры цвергов обращаются к ней. – Хочет диковинку, какую не купишь у торговцев на рынке. О вас ходит слава как об умельцах, изготовивших не одно диво. Если вы нам не поможете... – лицо её искажается, будто дева вот-вот расплечется. Но, не позволив и единой слезинке выкатиться из серых очей, ванийка продолжает с той же проникновенностью: – Досточтимый Дурин, ваши мастера – единственная надежда для двух несчастных сердец, что родились во враждующих семьях.

Локи, кивнув, делает шаг, становясь ближе к Сигюн, но не касается её.

– Мы преодолели немало опасностей, пока добрались до вас. – Понизив голос, Локи доверительно говорит цвергам: – Сколь тяжко видеть желанную женщину, отделённую от тебя кинжалом!..

– Локи!.. – Сигюн прикрывает вспыхнувшее лицо рукавом. – Я же прислала!..

– Тебе нечего стесняться, моя дорогая, – нежность в бархатном голосе едва не подкашивает богине верности колени – на сей раз уже

не по сценарию. – Твоя добродетель и строгость лишь делают тебе честь. Я же согласен ждать столько, сколько потребуется.

– Мой царь, – Брок подходит к подножию трона с лёгким поклоном. – Если позволишь, я бы мог помочь этим несчастным. Разумеется, за достойную оплату. Но разве можно экономить на любви?.. – лукаво подмигивает он Сигюн.

– А чего это вдруг ты? – недовольно окликает его Синдри. – Тут требуется серьёзная вещь, а не детская погрешка!.. Мой царь, позволь взяться за это дело мне!..

– Беритесь оба, – изрекает Дурин, не желая слушать очередную перепалку братьев по поводу уровня мастерства.

Двалин, придя вечером к старому другу распить кружечку-другую доброго пива, не застаёт того дома.

– И не застанешь ты его ещё три дня и три ночи, – заявляет жена Брока, Брита. – Ушёл он ковать диковинки чужеземцам, с братом состязаться.

Печать усталости на лице Бриты. Не первый раз её муж с деверем состязается, а после того непременно оба в запой уходят – обычно в три раза дольше, чем в кузнице проводят. Расслабляются, значит.

Двалин же подбирается весь:

– Каким это чужестранцам? Мы тут недавно тоже у одной чужестраночки заказ взяли, так за работу нам и ломаного гроша не заплатили, – цверг мрачнеет, вспоминая, как Фрейя ловко руку вывернула. Уж лучше бы кто из младших братьев с ней тогда шёл – всё позору меньше...

Брита неопределённо поводит рукой:

– Да какая-то ванийка, а с ней ас, что богом обмана прозывается. Вроде любовь у них...

– Ванийка? – переспрашивает Двалин. – Да ещё и с Локи? Они там что, совсем совесть потеряли? Ну так я напомним, – бормочет он, спешно раскланявшись с Бритой, и направляется к кузницам.

***

– Отец, – голос Фрейра непривычно звонок от переполняющих того эмоций. – Как могло случиться, что все мы оказались жертвами козней бога обмана? Воистину, он заслужил прозвание Кузнеца Бед.

Ньёрд с насмешкой смотрит на встрёпанного сына. Умный же ван!.. Но не зря в Мидгарде говорят: и на старуху бывает проруха.

Только ошибки политика обходятся слишком дорого – и ему самому, и подданным.

– А как случилось, что наследный царевич Ванакхейма не отличил правду от подделки? – вопрошает он в ответ. – Ты ведь знал, что асы нам не будут рады. Отчего кинулся очертя голову демон знает куда? Отчего не предупредил меня? – в голосе Ньёрда прорезается металл. – Ты подставил под удар и себя, и меня, и, главное – Ванакхейм!.. И,

между прочим – дражайшую сестру! Будь Фрейя и впрямь в опасности – ты уверен, что справился бы в одиночку? Или предпочитаешь героическую гибель вдвоём, чтобы лишить трон сразу обоих наследников?!..

Молчит Фрейр. Нечего ему сказать. Справедливы слова отца.

А тот припечатывает:

– Правильно Локи у тебя невесту увёл. Ты, я погляжу, до женитьбы не дорос ещё, даром что ввысь вымахал.

– Знаешь что, отец!.. – вскипает царевич, не стерпев обиды. – Пусть только вернётся – я вызову его на поединок!.. Хотя дядя Бальдр и потребовал с него выкуп, я тоже потребую – своё! И пусть попробует отказаться!..

– Для этого надо, чтобы Локи вернулся, – многозначительно говорит Ньёрд. Фрейр хмурится, но вот на челе его отражается понимание, и царь ванахеймский продолжает уже более спокойным тоном: – Пока ты занимался непотребными для царевича вещами, я на месте не сидел. Думаю, через годик-другой ты преспокойно справишь свадьбу с кузиной. Ей всё же придётся поносить траур, бедняжке – хоть обманная, но жена... – притворно вздыхает Ньёрд.

Краснеет Фрейр. «Непотребными вещами...» Ньёрд имел в виду его глупый побег, но... Насколько же он близок к истине!..

Не привык царевич ванахеймский отступать да в кустах отсиживаться. Оттого и сестру с собой не взял, к отцу идучи. Уж богиня любви-то живо бы подход нашла: и сердце отцовское смягчила, и о новости их поведала как бы между прочим.

Но – не собирался Фрейр за сестриной юбкой прятаться.

– Отец... – нелегко слова даются. – Мы... я... Мы с Фрейей стали близки, – выговаривает наконец царевич, ожидая бури.

Ньёрд же только плечами пожимает:

– Ты ещё сообщи, что солнце встаёт на востоке, а садится на западе. Я об этом знаю с самого вашего рождения. Когда ты, родившись раньше, кричал без умолку, пока рядом с тобой сестру не положили.

Да что он, издевается, что ли?!..

– Мы разделили ложе, – отчётливо повторяет Фрейр. – Как муж и жена. Будь это любая другая женщина – я бы постарался забыть об этом и окружить Сигюн заботой. Но что для меня значит Фрейя, ты только что сказал сам.

«Обязательно запрещу кровные связи», – вновь думает царевич, глядя, как сходятся на переносице брови Ньёрда.

Будто войны в битве.

***

У подножия трона Дурина расположились оба мастера, каждый со своим творением.

– Смотри же, Локи, сын Одина, – самодовольно произносит царь. – Видывал ли ты ещё хоть где-нибудь такие диковинки?

Брок держит на привязи золотого вепря. Каждая щетинка на его спине отликает золотом. Синдри стоит с пустыми руками, отчего брат поглядывает на него свысока.

Локи и Сигюн стоят рядом. Их ненавязчиво обступают четверо цвергов, якобы стараясь рассмотреть происходящее из-за спин высоких богов. Бог обмана улыбается жене – и играя роль влюблённого, и желая подбодрить.

Скоро, однако, его внимание сосредотачивается на другом.

– Мой царь, – вперёд выходит Брок, ведя за собой в поводу вепря. – Этого вепря зовут Гуллинбурсти. Каждая его щетинка сделана из чистого золота. При этом он может развить скорость, соперничающую с семи ветрами.

Весь вид цверга излучает важность. Он не сомневается, что уж в этот-то раз победил заносчивого братца.

Синдри, небрежной походкой выйдя на середину зала, достаёт из кармана золотое же обручье.

– И что тут диковинного? – победно вопрошает Брок. – Таких обручьев в нашей сокровищнице – от стены до стены...

Улыбается Синдри.

– Верно, брат. От стены до стены. Только моё каждую девятую ночь порождает девять себе подобных.

И Брок замолкает с полуоткрытым ртом, видя, какой огонёк загорается в глазах Дурина. Богата сокровищница цвергов, но, как всякий царь, жаждет тот богатство приумножить.

– Это великолепные вещи, – изрекает наконец Дурина. – Я горжусь столь высоким мастерством. А что скажет наша влюблённая пара?

Лёгкая насмешка в царском голосе не укрывается от Локи. Он вновь про себя благословляет далёкий день, когда обрушил на непутёвую голову брата корабельную сосну, не дав тому убить мирового змея.

– Как ты думаешь, милая Сигюн, – поворачивается бог обмана к ванийке, – которая из этих диковин скорее удовлетворила бы твоего отца? Как-никак тебе лучше ведом его нрав.

Вздыхает тяжело Сигюн, очи опускает.

– Не поймите меня неправильно, о досточтимый Дурина, и вы, великие мастера. Эти творения прекрасны. Только отцу моему не надобно золото. Пресытился он богатством, не примет он таких даров... Видно, Локи, нам с тобой уже никто не поможет. Надо идти, не стоит более отнимать внимание достойных хозяев... Спасибо вам за всё, – богиня верности, отвесив глубокий поклон хозяину дома, медленно идёт к выходу.

Обескураженный, Локи следует за ней, разводя руками. Затылком ощущая, как четвёрка цвергов след в след ступает за ним.

...Они доходят почти до выхода, уже потеряв надежду на требуемый исход. Сигюн нечаянно спотыкается, и здесь-то боги слышат столь желанные сердитые слова:

– Какую же тогда диковинку вам надобно?

Локи тянет паузу, внутренне ухмыляясь. Наконец, обернувшись, говорит:

– Думаю, есть средство, что могло бы удовлетворить взыскательный вкус моего будущего тестя. Только я не уверен, что это не легенда...

– Ну же? – торопит его Брок – жаждет отыграться.

– Корабль самоходный, что в карман спрятать можно.

Громовой голос Дурина оглашает подземелье:

– Так вот что было твоей изначальной целью, Обманщик!.. Знатно же ты заморочил нам головы своей историей. Только цверги не так просты, как кажется. Не расстелю я пред тобой Скидбладнир – чего захотел!.. В темницу их обоих, и пусть Один Всеотец выплачивает выкуп за непутёвого сына!..

Запястья Локи и Сигюн в мгновение ока оказываются заведены за спину и ловко скручены. Оба даже не пытаются сопротивляться.

– Жаль... – говорит Локи. – Я действительно хотел выкрасть самоходный корабль, но теперь понял, что это выдумка...

Дурин, откинувшийся было на спинку трона, подбирается:

– Надеешься обмануть меня даже связанным? Не выйдет!..

– Да я уже понял, что ввязался в дурацкую, бессмысленную авантюру, – раздражённо говорит бог обмана. Куда только подевалась нежность влюблённого? – Надо же было купиться на старушечьи байки!..

Такого неуважения царь цвергов не может стерпеть.

– Байки, говоришь? – кипятится он. – Смотри же!..

Выудив из-за пазухи плат, бросает его на пол. Цверги расступаются, и посреди зала вырастает красавец-драккар.

– Самоходный, – довольно поясняет Дурин. – Гребцы не нужны, ходит по морю и по суше, летает по небу – всё по желанию хозяина. Подчиняется взмаху руки. Теперь ты знаешь о нём, но никогда более не увидишь.

Обратив корабль в плат, царь идёт к середине зала забрать его, не доверяя даже своим цвергам.

– Ёрмунганд, твой выход! – запрокинув голову, кричит Локи.

И с высокого изукрашенного потолка стремительно опускается длинное гибкое тело.

***

Ингвар ходит по ледяному залу. Из конца в конец, и вновь по тому же маршруту. Рывкает на сунувшегося было в дверь слугу, и тот поспешно

исчезает. Главного советника, несмотря на всю его обходительность при случае, лучше не злить – это понимал всякий мало-мальски здравомыслящий йотун.

Особенно когда тот столь явно не в духе.

«Четыре дня», – угрюмо загибает пальцы Ингвар. Четыре дня, как должна была вернуться группа, посланная с особым поручением. Где они застряли, каким цвергским пойлом решили накачаться, что не торопятся за обещанной наградой? Весьма, между прочим, солидной – Ингвар не поскупился для столь щекотливого дела. Благо доступ к казне давно был отлажен.

Правда, выплаченный аванс был более чем скромнен. К тому же главный советник озаботился собрать кое-какую информацию о наёмниках, прежде чем к ним обращаться. И уже спланировал для каждого подходящий сценарий досадной, но необратимой случайности... Ни к чему живые свидетели, тем более – непосредственные участники. Сколь бы они ни клялись молчать, всегда есть риск проговориться. Как и способы разговорить любого молчуна.

– Четыре дня!.. – уже вслух восклицает Ингвар, ударяя ладонью в ледяную стену. Та отзывается лёгким гудением – и почти не отрезвляющей тупой болью в ладони. – Четыре дня, демоны Муспелля!..

Неужели они не справились вшестером с одним полукровкой? Тот, правда, владеет силой огня, для йотунов это верная смерть. Но – шестеро...

Или всё же наплёл этот недорослый посланец, и Локи был не один?.. Что, если с ним увязался-таки Громовержец с неизменным Мьёлльниром? Тому шесть верховых вооружённых йотунов – разминка перед ужином.

Отыскать проклятого посланника и выпрясти из него душу?.. Нельзя показывать интерес к перемещениям царевича. А надавить как следует тоже не выйдет – Лафей пока ещё в силе, а объяснять исчезновение преданного слуги Ингвар вовсе не жаждал.

Что ж, надо подождать ещё немного. Он ждал не один год, пару дней как-нибудь подождёт.

А там ситуация должна проясниться.

***

Локи сосредоточенно смотрит вдаль, стоя на носу корабля. Скидбладниру не нужно управление, но так привычнее. Можно спокойно подумать.

А подумать есть о чём.

Он добыл сокровищ в три раза больше, чем просили. Хватит и на Бальдра, и на Ньёрда, и на несостоявшегося женишка. Как политик, Локи прекрасно понимал, что в царской семье Ванакхейма не стоит наживать врагов больше одного.

...Только вот сам он остался без сокровища.

Вся авантюра с женитьбой была затеяна исключительно для того, чтобы отомстить Бальдру. И вот – миссия выполнена. Бальдр в бешенстве, в неистовом, восхитительном бешенстве.

Полно, да *выполнена* ли?..

Разве не мог он сделать месть сильнее и ярче – в первую очередь для себя? Не понадобились бы ни угрозы, ни насилие – Сигюн отдалась бы ему в обличие Фрейра, как мужу.

А в тот вечер у костра – разве не отдалась бы она уже *ему*, Локи? Её глаза, её тело просто кричали об этом. Отчего же он отступил – дважды? То совсем не в его правилах...

Орудие мести обрело душу. И начало мстить в ответ, даже не подозревая об этом.

Отброшенный золотой конь. Выпавший рубин подкатился к ногам, будто отрубленная голова, залитая кровью.

«Мне не надобны твои дары, бог обмана. Оставь меня. Оставь меня... Оставь меня!..»

Ровная – до невозможности – осанка. Гордо поднятая голова. Прямой взгляд. Напряжённые до судорог плечи. Такая не склонится, не отступится от своего, посули хоть все блага девяти миров.

О чём он думал, когда женился? Куда смотрел, ослеплённый местью и удачной – казалось – идеей? Надеялся на своё обаяние, да только оно впервые в жизни отказало... Ему что, теперь ломать эту гордость, переламывать, будто хребет, её натуру, её нрав?..

Он не монстр, какие бы байки про него не ходили. Он не хочет быть палачом.

...А ещё он отчаянно не хочет вызывать больше ненависти, чем уже вызвал. Оттого и не тронул её ни в брачную ночь, ни тогда, у костра. Да, в тот вечер тело её кричало, что не против... Только что сказал бы наутро разум? С каким отчаянием, какой сухой ненавистью воззрились бы на него поутру серые очи?..

Или того хуже – с обречённым равнодушием. Покорностью судьбе.

Локи встряхивает головой, отгоняя это жуткое видение – покорную, сломленную Сигюн. Украдкой бросает взгляд через плечо. Дочь Бальдра сидит на корме, обхватив руками туловище Ёрмунганда.

«Мне что, тоже в змея оборотиться, чтобы так обняла?..» – мрачно думает Локи. Но тут же отказывается от этой идеи. И без того уже слишком много обмана.

Даже для него.

Горькая усмешка искривляет губы царевича двух миров. Он хотел посмеяться над Бальдром, а посмеялся над собой. В этом раунде он проиграл вчистую, хотя никто не понял его поражения. Никто и не поймёт. Что ему, Тысячеликому, очередная маска?..

Только невидимый обруч, сдавивший сердце, никак не желает разжиматься.

...Далёкая, почти забытая девочка в белом платье. Дева, сидящая от него в нескольких шагах, – дальше, чем иные галактики.

Есть законы, которые бессилён нарушить даже трикстер.

Сигюн обнимает Ёрмунганда, рассеянно поглаживая того по чешуйкам, каждая из которых размером с её ладонь. Судя по тому, как змей уложил голову ей на колени, он вовсе не против такого обращения.

Сигюн надо чем-то занять хотя бы руки. Потому что занять чем-то другим мысли, терзающие её последнее время, не получается.

Точнее, кем-то.

Предмет дум Сигюн стоит на носу корабля, будто дозорный. Спрашивается, что он там высматривает, если драккар самоходный? Настолько не желает её общества?..

После того вечера у костра, где оба вспомнили о давнем знакомстве, Локи будто подменили. Куда исчезли шутки и вечные подколы, ухаживания, попытки соблазнить и очаровать? Будто йотун возник на месте улыбчивого аса – льдом веяло от редких рубленых слов, обращённых к спутнице. Не считая представления у цвергов.

Что уж говорить о поцелуях или чём-то большем...

А что она ждала? Он хотел отомстить Бальдру – он этого добился. Сама по себе она не интересуется его ни капельки. Даже как дева, хоть сначала и казалось, что это не так... Но Локи не пожелал воспользоваться ни её неведением, ни её слабостью. Тогда у костра она расслабилась, как никогда, очарованная и нахлынувшими воспоминаниями, и самим богом обмана. Сделай он хоть что-нибудь – кивни, улыбнись, коснись самым невинным образом – она бы бросилась ему на шею, не раздумывая.

Он пожелал её усыпить.

Украдкой Сигюн бросает взгляд на по-прежнему стоящего на носу Локи. Фигура скрыта плащом, но под колышущейся на ветру тканью угадываются и широкие плечи, и стройные длинные ноги, и...

Разозлившись, Сигюн отворачивается. Да не пошёл бы этот... муж куда-нибудь в Йотунхейм, к ледяным сородичам!.. Больше она не взглянет на него, вот ни разу!

Ни единого. Только вот сейчас, последний раз украдкой посмотрит, как небрежной волной спускаются на плечи чёрные кудри.

Самый-самый последний.

Да что он там – магнит к доспеху приклепал, что ли?!..

...Отсалютовав гигантским хвостом, Ёрмунганд с диким плеском уходит под воду. Асгардское море, всколыхнувшись, вскоре успокаивается.

Локи наблюдает за ним из драккара с улыбкой. Но та скоро гаснет. Через каких-нибудь полдня они вернутся в Золотой Чертог, и...

Бога обмана не радует даже предвкушение реакции заклятого врага на добытые сокровища. Добытые втрое больше, чем требовалось. Он и не сомневался в своей победе.

Только всё же он проиграл.

– Мой царевич!.. – возглас отвлекает его от невесёлых дум.

Свен. Полукровка, как и он сам. Не так уж мало их живёт тут, в Асгарде. Да и в Йотунхейме встречаются... В своё время Локи озаботился тем, чтобы побольше узнать о жителях с двумя корнями. Хоть те и не спешили признаваться, и осуждать их за то было нельзя.

– Приветствую, Свен. Как твой младшенький, поправился? – на память бог обмана никогда не жаловался.

– Уж три луны как, – расплылся в улыбке внезапный собеседник. – Дело у меня до вас, мой царевич. Письмо передать просили от батюшки вашего.

Локи хмурится. Один не утруждал себя эпистолярным жанром, предпочитая воронов. А вот изящный витиеватый почерк Лафея царевич помнил прекрасно.

Так и есть. Печать Ледяного царства на отливающем синевой конверте.

Сломав печать и быстро пробежав глазами несколько строк, Локи хмыкает. Неуловимое движение пальцев – и письмо вместе с конвертом вспыхивает в его руке.

– Я должен отлучиться, – медленно говорит он, повернувшись к Сигюн. – Драккар домчит тебя до Золотого Чертога. Найди моего брата, пусть он надёжно спрячет все сокровища до моего возвращения. Скажи, что, если потеряет, я сообщу леди Сиф имена всех его любовниц – от последней трактирщицы до главной фрейлины, – ухмыляется он. Вновь став серьёзным, продолжает: – Неделя ещё не вышла, два дня в запасе у меня есть, должно хватить.

– Йотунхейм? – тихо спрашивает Сигюн. Не выпытывая, что случилось, не просясь с ним. Идеальная была бы жена... она и так ему жена... ах, не время сейчас об этом!

– Именно. Благодарю, Свен, – кивает он асу, отчего тот вновь расплывается в улыбке.

Порывшись в карманах, Локи достаёт золотую монету и протягивает Свену. А следом открывает портал.

Глава 11. О жертвах и коронах

*Карты скинуты и выверен итог:
Вам – победу, а мне – считать потери;
Память горькая нажала на курок,
Ветер зимний захлопнул в осень двери...*

Канцлер Ги «Романс Олафа Кальдмеера»

В Йотунхейме не встаёт солнце. Смену дня и ночи йотуны давно уж приноровились определять лишь по внутренним ощущениям да по огромным песочным часам, что привезли соседи-ваны.

Хоть ещё рано, Лафей, раскинувшись, возлежит на ложе. Он и с утра не торопился подниматься. В последнее время он вообще мало куда торопится. Нетороплива его походка, медленны жесты, равнодушна речь. То скорее пристало бы утомлённому жизнью старцу, чем царю и воину в расцвете лет.

Ну, может, пора расцвета и минула... Но по меркам йотунов Лафей ещё в силе.

«Я подливаю Одину яд каждый день, отец», – вспоминает он слова сына. Кривятся тонкие губы: кажется, не Один, а он, Лафей, пьёт тот яд. Иначе откуда такое бессилие и нежелание делать хоть что-то для собственного царства?..

Тяжесть проигранной войны так и не покинула плеч царя. Не простил он Всеотцу ни поражения, ни того, что вверг он мир в вечный мрак, обрёл йотунов на прозябание. Но более не мог простить он Одину то, что по его милости лишился всех сыновей: старшие сложили головы в войне с асами, а младший...

Если бы Один измывался над царевичем, если бы только позволил заподозрить дурное обращение... Но Локи был здоров, умён и весел, имел все привилегии наравне с Тором, называя того – и искренне считая – братом, а ненавистного Одноглазого – отцом.

Когда-то застенчивый мальчик вырос в красивого, ловкого воина и мага, о чьей хитрости слагали легенды. Лафей верил и не верил словам Локи о ненависти к асгардской семье, и всё никак не мог определиться.

Ларец!.. Йотунхейму нужен Ледяной ларец – лишь с его помощью йотуны воспрянут духом. Тот, в чьих руках он окажется, и будет определять политику царства. И тогда возмущение народа можно будет направить в иное русло – на Золотой Город. Асгард ослаблен после войны с ванами: поговаривают, Один и предложил перемирие, чтобы не проигрывать...

Лафей поднимается с ложа. Расправляет плечи. Привычным жестом водружает на голову корону.

– Ингвар! – неожиданно сильный голос эхом отдаётся от стен дворца.

– Да, мой царь? – советник возникает столь быстро, будто за поворотом ждал. Лафею делается не по себе. Но он прогоняет остатки дурмана, ощущая, как по венам – будто в лучшие времена – разливается сила и жажда действия.

– Я хочу обратиться к народу, – заявляет царь Йотунхейма, и тень страха мелькает в глазах советника.

– Мой царь, не стоит так утруждаться. К тому же уже столь поздно... Йотуны недовольны, как бы чего не вышло... – говорит он, но Лафей властно перебивает:

– А на что мне главный советник? Не затем ли, чтобы озаботиться безопасностью государя и выполнять его приказы?.. Я засиделся здесь, но довольно киснуть. Иди и делай, что велено.

Ингвар, не посмев перечить, уходит, но в глазах его посверкивает хорошо затаённая ненависть.

***

Заметив Тора, упражняющегося во дворе Золотого Чертога, Сигюн облегчённо выдыхает. Хотя бы не пришлось бегать по дворцу с ведром в поводу, выискивая наследника трона.

– Царевич Тор! – окликает ванийка.

Громовержец, прервав тренировку, подходит к ней, сверкая белыми зубами в улыбке.

– А, царевна прибыла! Где потеряла моего брата? – шутливо склоняет он голову набок.

Сигюн, уже свернувшая Скидбладнир, протягивает его Тору со словами:

– Ло... *царевич* Локи добыл выкуп втрое больше требуемого. Настоятельно просил спрятать сокровища в надёжном месте. Сам он вернётся через день-другой – дела Ледяного царства требуют его присутствия.

Тор, присвистнув, оглядывает плат:

– И вот эта маленькая тряпочка разворачивается в самоходный драккар?.. Воистину, цверги великие мастера! Впрочем, то я знаю с тех пор, как Всеотец вручил мне Мьёлльнир. Кабана тоже уводить?

– Вепря, – уточняет ванийка. – Это вепрь Гулинбурсти.

– И впрямь Золотая Щетинка, – Тор смеётся и треплет чудесное животное по загривку. – Ну, пойдём, вепрь.

– Ещё обручье, – протягивает Сигюн Драупнир.

Забрав и его, царевич кивает. Переступает с ноги на ногу, будто собираясь с мыслями, и наконец спрашивает:

– Мой брат... сильно тебя обидел?

Сигюн рассматривает узорную кладку двора под ногами, припорошенную пылью. Что она должна на это ответить? Что Локи обидел её дважды: сперва поцеловав, а после – отказавшись от поцелуя?..

– Я думаю, что брак аса и ванийки укрепит шаткое перемирие и положит начало восстановлению дружбы меж нашими царствами, – официальным суховатым тоном заявляет наконец Сигюн. – Как член царской фамилии, я не могу думать только о собственной выгоде. Брак с Фрейром был бы хорош в мирное время, сейчас же стоит озаботиться дипломатией.

Во взгляде Тора проступает уважение:

– Слова истинной царевны.

– Я не царевна, – привычно поправляет дева. На что громовержец лишь взмахивает могучей ручищей, захохотав:

– Ну да, не царевна – будущая царица Йотунхейма!..

Подмигнув ванийке, он тянет вепря в поводу, направляясь в Золотой Чертог.

Сигюн остаётся стоять, борясь с желанием приложить с размаху ладонь к собственному лбу и завывать в голос.

Йотунхейм! Как она могла забыть – Локи с детства прочили ледяной трон...

Родители встречают Сигюн молчанием.

Она тоже не знает, что сказать. Потоптавшись в дверях, также молча садится на сундук в углу покоев, сложив руки на коленях.

Тишину между ними можно потрогать. Сигюн никогда не ссорилась с родней всерьёз. И теперь не знает, как разбить это почти обжигающее молчание.

Кажется, родители на неё даже не смотрят.

– Сестрёнка!.. – от звука голоса вошедшего Форсети богиня верности вздрагивает. – Вернулась, беглянка, – беззлобно корит он сестру. Но таким бы тоном отчитывать стянувшую без спроса сладости маленькую Сигюн, а не взрослую деву, сбежавшую за ненавидимым всей семьёй асом.

Всей ли?..

– А где шурин? – интересуется Форсети, усаживаясь рядом с сестрой на нешироком сундуке и непринуждённо закидывая ногу на ногу.

Бальдр впервые проявляет интерес к вернувшейся дочери, метнув в её сторону безмолвный взгляд.

– Вернётся через сутки.

Услышав ответ, Бальдр также бесстрастно переводит взгляд на цветные витражи в окне.

Бог правосудия хлопает в ладоши, вновь разбивая тишину.

– Дорогие мои, вы ведёте себя несознательно, – заявляет он. – Чтение мыслей, бытовавшее, по слухам, на заре времён, давно утрачено, так что извольте объясняться словами! Итак, объявляется слушание по делу Сигюн, богини верности, и всем известного бога обма...

– Форсети! – резко обрывает его Нанна. – Не устраивай балаган!..

– Это моя работа, мама, – с достоинством отвечает тот. И уже мягче продолжает: – Мы все стали слишком серьёзны за годы войны. Возможно, немного балагана и шуток пойдёт на пользу?..

Перед Форсети возникает стол, как в зданиях суда. В руке – судейский молоточек. Сам он, преобразившись, будто становится выше.

– Итак, властью, данной мне, объявляю слушание по делу Локи, бога обмана, царевича двух миров и моего шурина, открытым...

***

Снег скрипит под ногами Локи, когда он привычным маршрутом направляется ко дворцу. Глаза быстро привыкают к темноте, да и не настолько уж темно в Йотунхейме: снег отражается от нависших местами тяжёлых туч.

Но, вспомнив покушение, заказчика которого он так и не узнал, Локи изменяет решение оповещать всех желающих о своём прибытии.

...Тюлень с хитрым выражением морды на удивление быстро передвигает лапами, почти сливаясь с окружающими снегами.

Зачем он здесь? Из-за отцовского письма?.. А если это ловушка? А если это вообще написано не Лафеем? Кто-то же нанял убийц...

Он должен выяснить, кто.

– Мы долго ждали, пора воспрянуть духом! Пора отомстить за века наших страданий и унижений! Пойти войной на проклятый Золотой Асгард!.. – зычный голос Лафея разносится над толпой.

Будто молодость вернулась к царю Йотунхейма: кипит кровь по венам, зовёт в бой, к великим свершениям!.. Он ведь ещё не стар... Больше он не станет отсиживаться в Ледяном дворце, подобно выжившему из ума старцу. Нет, он соберёт армию и поведёт её в великий поход на ненавистный Золотой Город!

Только бы Локи не подвёл.

А коли и так... Губы Лафея слегка кривятся при очередной тираде. Но сам он решил твёрдо: если сын не пожелает помогать, он пошлёт своих разведчиков в Асгард. Пусть выкрадут ларец из сокровищницы Одноглазого.

...Ингвар смотрит из-под полуприкрытых век на своего царя. На столпившихся йотунов. Где-то он ошибся: не дождал или, наоборот, слишком сгустил краски... Скоро царь убедится, что никакого бунта в ледяном царстве не назревало.

Кроме затеянного главным советником, конечно.

Но Ингвар не слишком волнуется. Ему прекрасно известно, что народ не особо-то жаждет войны с Асгардом. Пусть и ослабленные, асы всё ещё сильны. Даже вернись Ледяной ларец, потребуются время, чтобы Йотунхейм вернул былое величие. И мало кому захочется, глотнув лучшей жизни, обречь себя на тяготы войны из-за мхом поросших обид прошлого.

Может быть, его слова о нежелании йотунов повиноваться не так уж и далеки от истины?.. Тем более что принести Ледяной ларец – *некому*...

***

Две кузины смотрят друг на друга. Сигюн ещё не понимает, отчего во взгляде Фрейи, всегда не особо любезном по отношению к ней, теперь сквозит неприкрытое торжество.

– Где Фрейр? – спрашивает богиня верности. – Мне нужно с ним поговорить.

Фрейя молчит. Лишь запрокидывает подбородок, чтобы при равном росте казаться выше кузины. На груди её красуется переливающийся Брисингамен.

– Фрейя, – устало говорит Сигюн, – оставь своё обаяние для мужчин. На меня оно никогда не действовало, прости. Просто скажи, где твой брат. Ты всегда знаешь, где он, а мне срочно нужно обсудить с ним...

– Фрейя, где брат твой? – зло передразнивает богиня любви. – Все бегут ко мне с этим вопросом! Никому и в голову не приходит спросить слуг или отца! Только Фрейя!.. Что ж, иди, побеседуй с ним, – поводит она изящным плечиком. – Может, тогда убедишься, что Фрейя *больше*, чем вечный близнец!..

Развернувшись, богиня красоты быстрым шагом уходит. Сигюн недоумённо качает головой. Может, кузина злоупотребила гостеприимством Одина Всеотца – говорят, он тонкий знаток вин...

– Сигюн! – знакомый голос окликает её, и богиня верности внутренне подбирается. Как и с Тором, стоит делать упор на политику – Фрейр царевич, он поймёт... Не сразу, но поймёт...

Она очень на это надеется.

Мелькает мысль, что, не будь жених кузенком, было бы проще. Можно было бы расстаться навсегда. Но потерять ещё и любимого брата – встречаться на семейных ужинах, сцепив зубы и не глядя в глаза... Или – того хуже – натягивая фальшивые улыбки...

– Фрейр... – голос неожиданно жалок. Сигюн умолкает, собираясь с духом, не сразу замечая, что брат в том же смятении.

Но начинает он всё же с обвинений – это всегда проще.

– Богиня *верности*... Сферу сменить не желаешь? – слова – едкие, колкие, полные боли и... облегчения?

Сигюн молчит, лихорадочно подбирая слова в ответ. Такие логичные, теперь они выглядят как жалкие оправдания...

– Ну давай, расскажи, как тебя, бедную, обманули и обвели вокруг пальца! Как ты за целый день и целую ночь не отличила одного от другого!.. – распяляется Фрейр, вспоминая, как сам купился на поддельное письмо.

– Фрейр, я думаю, что из этого брака можно извлечь выгоду для двух миров, – с усилием произносит наконец Сигюн.

– Уже и врать научилась от своего муженька? – хмыкает царевич, скрестив руки на груди. – Это ради миров ты за ним ломанулась в чужой мир в одиночку?

– Не в одиночку, – коротко улыбается дева, вспоминая сильное тело Ёрмунганда. – Фрейр... ты имеешь полное право злиться и ненавидеть меня, но... Раз уже всё так сложилось, я хочу вернуть тебе клятву, – серьёзно произносит Сигюн, ожидая бури.

Ван вздыхает. Ему уже стыдно за вспышку – не удержался... Сам ведь хорош!

– Я тоже хочу, – медленно говорит он, и богиня верности распаивает в удивлении глаза: так быстро? Она ожидала шума и пыли... Фрейр же продолжает: – Я добровольно сбежал с нашей свадьбы. Также... попался в ловушку Локи, – кривится он. – Но это не главное...

Фрейр мнётся, и кузина не узнаёт его: несвойственно то царевичу. Умея хранить нужные вещи в секрете, во всём остальном Фрейр был прям и благоден, как любимый его меч.

«Чем-то он похож на Тора», – думает Сигюн, вспоминая улыбки громовержца – и рассказы о том, каков тот в битве. С наследным царевичем Асгарда она чувствовала себя непринуждённо – насколько может то испытывать заложница. И с Фрейром было то же... пока кому-то из них не показалось, что помимо родственной связи неплохо бы добавить ещё и любовную.

Только лёгкость та не шла ни в какое сравнение с пожаром, что возжёт в ней лукавый бог огня.

– Видать, напророчили мне норны быть и в любви с сёстрами неразлучным, – говорит наконец Фрейр. – Лишь Фрейя, сестра моя, отныне достойна называться любимой моей...

***

Тюлень, завидев толпу перед дворцом, прячется за невысоким холмом. Обернувшись йотуном, магией облачившись в официальные царские одежды, Локи тратит ещё некоторое время, окружая себя невидимой защитной сферой. Кто знает, с какой стороны ждть нового покушения?..

Он лавирует в толпе, будто танцует. Кто-то расступается, завидев царевича, но чаще приходится огибать. Ледяные *гиганты*... В лучшем случае царевич макушкой едва достаёт соплеменникам до рёбер. В худшем...

Не позволяя себе расстраиваться по этому поводу, Локи выбирается к ступеням, где стоит царь Йотунхейма.

Локи давно не видел отца в столь приподнятом настроении.

Стража, кивнув царевичу в знак приветствия, пропускает его. Лафей же, вдохновлённый, со взглядом, устремлённым вдаль, не замечает сына, поднявшегося вровень с ним.

Лишь когда тот осторожно трогает отца за локоть, Лафей, встрепенувшись, переводит взгляд на бога обмана.

– Ты просил прийти, отец. Я здесь, – тихо говорит Локи.

– А ты принёс?..

Царевич кивает. Развернувшись к толпе лицом, вновь шепчет царю:

– Да. Позволь мне... – и следом продолжает уже вслух: – Дорогие мои!.. Долгие столетия Йотунхейм жил во тьме, лишённый силы и могущества. Так вышло, что мрачные эти события совпали с днём моего появления на свет...

Локи замолкает, выдерживая паузу. Прислушивается к толпе. Та угрюмо молчит. Но не видел он энтузиазма на лицах и когда Лафей говорил о войне. Слишком много прошло времени: вошли в силу уже те, кто слышал о войне лишь из рассказов. Это радует, ибо воевать с Тором бог обмана не намерен.

– Оттого печаль не покидала меня всё то время, что проводил я в Чертоге Одина. – Локи брезгливо кривится при упоминании приёмного отца. – Но дни его сочтены. Потому возрадуйтесь и наполните ваши души весельем! Ледяной ларец, сердце Йотунхейма, вернулся домой!..

Нарастающий гул в толпе. Шёпотки, взволнованные вздохи. Минута – томительная, будто миг тишины перед злой метелью...

И громкий, будто единожды вырвавшийся из множества уст, вздох, когда в руках бога обмана голубым светом вспыхивает Ледяной ларец, чужая родину.

Голубой луч устремляется к нависшим низким облакам. Будто отодвигает их, играючи, – к краю горизонта, обнажая прозрачное в вечерней своей неге небо. Облака же, посрамлённые, закатываются за край, открывая почти скрывшееся светило.

И вновь изумлённый вздох повис над толпой. Солнца йотуны не видели со времён поражения: отобрав Ларец, Один лишил Йотунхейм и света. Оттого теперь к изумлению и восхищению примешивались болезненные крики: даже закатное солнце вызвало боль и резь в привыкших к вечному мраку алых очах.

– Не смотрите на него! И завтра тем более ни в коем случае не пытайтесь – солнце лишит ваши ослабшие глаза зрения!.. – обернувшись к дворцовой прислуге, Локи продолжает: – Немедленно организовать выдачу всем от мала до велика повязок на глаза из плотной тёмной ткани! Я лично прослежу за этим.

...А Ледяной ларец в руках царевича переливался немислимыми узорами, вспыхивал и сиял не хуже вернувшегося светила. Он будто пел, вернувшись из долгой разлуки домой, к вечным снегам и льдам, из которых был сделан. Будто льнул к рукам, освободившим его из долгого плена, державшим его нежно и бережно – рукам царевича и мага.

Когда-то сам Бергельмир создал ларец из льда, северного сияния, магии – и безграничной любви к холодному суровому миру и его народу. Накрепко связан Ледяной ларец с Йотунхеймом.

– Мой царевич! Как это прекрасно, что вы сумели вернуть ларец! – главный советник склоняется пред Локи. – Только позвольте узнать, – вкрадчиво продолжает он, – как отреагировал царь Асгарда на кражу реликвии? Не ждате ли нам разъярённых асов? Не слишком ли опрометчивое решение было принято, мой царевич?..

От слов Ингвара будто веет холодом. И холод Йотунхейма тут ни при чём.

Локи никогда особо не жаловал главного советника. Всегда учтивый, тот вызывал неизъяснимое отторжение у бога обмана. И, кажется, Ингвар платил ему той же монетой. Но то лёгкая неприязнь, а то – покушение на единственного царевича...

Сомнения нахлынули было – и спали, погребённые под острым чувством опасности. Бог обмана привык доверять интуиции – не раз благодаря ей спасал и собственную жизнь, и чужие.

Кивнув на перила, Локи дружелюбно предлагает советнику:

– Прошу, присядьте. Так нам будет удобнее обсуждать решения.

Тот, пожав плечами, подчиняется – пусть все видят, что он покладист пред царской особой...

Перехватив ларец одной рукой, другую бог обмана резко кладёт Ингвару на лоб. И проникает в его разум.

«Переходим к плану "Уруз"»...

Поняв, что раскрыт, главный советник сбрасывает руку Локи со своего лба. Вскочив на перила, став выше даже обычного йотуна, уже не сдерживаясь, шипит:

– Полукровка... Не вышло у меня – выйдет у кого-нибудь другого!..

...Стража даже не успела понять, что Ингвар обращался к царевичу – настолько быстро всё произошло. А вот Лафей, знавший и о способностях Локи, и в момент сообразивший о причине своего затворничества, понял.

И рванулся вперёд, загораживая сына от ледяного снаряда, словив его собственной грудью.

В спину ему ударил огненный шар – Локи атаковал в ответ.

– Отец!.. Зачем... Я бы справился сам...

Кровь льётся изо рта Лафея. Красная.

Синяя кожа у йотунов – а кровь также красна, как у асов, ванов, людей...

Голова царя йотунхеймского лежит на коленях царевича. Тот лихорадочно пытается шептать слова заклятий, но тщетно – жизненная сила стремительно покидает Лафея.

И он это понимает.

– Не... стоит, – слегка мотает он головой. Даже столь простое движение даётся с трудом. – Я уйду к тем, кто меня заждался, Локи. Йотунхейм... теперь твой.

– Отец... – впервые Локи чувствует себя столь беспомощным. Лицо его искажается, он закусывает изнутри губу. Но слеза всё равно скатывается вниз, застывая на холодном воздухе неприятной ледяной корочкой.

– Я не жалею, – голос царя становится всё тише, и Локи наклоняется, сквозь пелену слёз стараясь уловить родные, столь редко виденные черты. Расслышать – напоследок... – Я не спас... никого. Так хоть... те...

Холоден Ледяной мир. Холодом веет и от тел йотунов. Только могут они тот холод контролировать. Тело же в руках бога обмана теперь напоминает ледяную глыбу.

Царевич Йотунхейма поднимается. Разворачивается к страже, что, наконец опомнившись, скрутила руки главному советнику.

– Отпустите, – хрипло говорит стражам Локи, кивая на Ингвара. – И отойдите.

В ладонях его взметаются огненные столбы.

***

В раскрытое окно покоев Одина влетает Хугин. Взмолвлено что-то каркает, даже не сев, по обычаю, на руку царя. Один в ответ лишь качает головой – и усмехается в бороду.

За этим занятием его застаёт Фригт, неслышно ступившая в покои мужа.

– Какие вести нынче в девяти мирах? – нежным голосом вопрошает она.

Всеотец, обернувшись, по-прежнему усмехается в бороду.

– Я ведь говорил, что грядёт пора обновления, – нараспев говорит он, медленно идя навстречу царице. – Через десяток-другой лет, дорогая, мы наконец сможем поселиться в Мидгарде, в тех прелестных горах с видом на фьорды. Будем спать до последних петухов, неторопливо прогуливаясь по вечерам...

– Что случилось? – прерывает Фригт мечты Одина. – Локи?.. Лафей всё же решил сделать его своим ставленником?

Один улыбается уголками губ. Он не рад гибели давнего врага. Как, впрочем, и не опечален. Долгие годы приучили его воспринимать всё происходящее с мудростью философа. Горячий нрав давал о себе знать, но нынешняя весть об уходе царя Йотунхейма напомнила о том, что и собственный уход близок.

– Лафей более ничего не решает, – отвечает он наконец на заданный вопрос. – Твой *любимый сын* стал царём Ледяного мира...

– Но ведь не Локи его... сместил?.. – со страхом спрашивает Фригт, и Один возводит единственное око к потолку.

Кажется, Фригг будет любить Локи, даже если тот возжелает обманом захватить все девять миров.

– Локи жаждет только *моей* смерти, – сварливо заявляет Всеотец. – И, раз уж он сделал выбор – а точнее, его подтолкнули к выбору – то подтолкну-ка я его к ещё одному. Мне надоело притворяться дряхлеющим старцем, я жажду отойти на покой без этих ужимок.

Фригг улыбается – мягко и грустно. Как и всегда.

– Он выберет тебя, – тихо, но уверенно отвечает царица.

Один тяжело вздыхает, но мудро решает не спорить с женой.

Глава 12. О возвращении и объятьях

*Чем дольше дни, подобно чайкам, летят,
Тем удивительнее этот странный плен.
Я потерял, что только мог потерять,
Но обретаю много лучшее взамен!*

Канцлер Ги «Романс Олафа Кальдмеера»

Царь Йотунхеймский идёт по Асгарду. Легка его поступь, не дрожит от неё земля, как то обычно бывает от шагов огромных йотунов. Взметается зелёный плащ над синими плечами, колышется в такт неспешным движениям. Сверкает в чёрных кудрях не привычный золотой шлем – ледяная корона.

Возвращается царь туда, где был его дом. Отныне дом его – ледяное царство.

– Да здравствует царевиц Локи!.. Да здравствует царь Йотунхейма!..

И следом – холодящая тяжесть ледяного венца.

Ещё бы его не признали – это после того, как он сжёл Ингвара!.. Почти дотла, ослеплённый горем и жаждой мести. Остальные же, растерянные, испуганные, поспешили склониться пред новым царём. Слишком много событий произошло за один вечер для привыкшего к размеренности Ледяного царства.

А уж для его свежеиспечённого царя...

Локи не обольщался – мало надеть корону. Доверие дикого народа завоевать сложнее. Довериться богу обмана – сложнее стократ. Сейчас его бояться, но... плох тот правитель, чья власть держится исключительно на страхе!.. И век его недолог – йотуны горды, и помыкать собой не позволят даже богу огня.

Особенно богу огня.

Тяжёлый вздох срывается с уст Локи.

«Зачем ты только сунулся меня защищать!..» – вновь ожесточённо думает он. Он так рассчитывал, что ещё с полтысячи-другую лет сможет в своё удовольствие побыть царевичем...

Сыном.

Горячие слёзы вновь подступают к алым очам. Но Локи справляется с собой. Не сейчас. Позже, когда он останется в одиночестве.

Хотя, пожалуй, он предпочёл бы после всех церемоний не рыдать в уголке, а расслабиться в нежных девичьих объятиях... Лучший способ, что бы там Тор ни говорил про добрый эль.

Способ, незаслуженно им забытый.

Кривятся горько уста, целовавшие дев без меры и счёта. Только одну деву нынче желает он видеть с собой рядом – что на ложе, что на троне. Жену законную. Без ведома её, без согласия у жениха уведённую, обманом обручённую.

Да только та Обманщика знать не желает.

***

Семейство ванов взирает на царя Йотунхеймского с разными эмоциями. Ньёрд прикидывает, как теперь поведёт себя Ледяное царство – до сего дня неплохой союзник, подпитывавшийся извечной враждой к асам. Теперь, когда ас пришёл к власти, с кем он предпочтёт сблизиться – по-прежнему с Ванакхеймом или же родным Асгардом?..

Нанна неодобрительно смотрит, поджав губы. «Ну и вырядился, бесстыдник!..» – в сердцах думает она. Наряд йотунов весьма откровенный – тела их привычны к морозу. Одежда служит скорее приличиям и выражению статуса, нежели теплу. Нанна спокойно относилась к привычкам соседей, но в собственном зяте раздражает любая мелочь.

Бальдр по-прежнему отстранён. Будто не его враг вернулся с победой, принеся вместо одного сокровища три. Будто не он надел корону, обретя неизмеримо большее влияние.

Дочери же его хочется схватиться за голову: едва ли сутки назад ещё был царевичем, теперь – царь!.. Вот ведь подшутили норны! Фрейр бы взошёл на престол не раньше, чем через пару-тройку тысячелетий...

– Досточтимые мои родственники, – Локи отвечает театральный лёгкий поклон сгрудившимся ванам. – Я выполнил условия и принёс выкуп. Даже с верхом. Держи, тествюшка, – не скрывая насмешки, протягивает он Бальдру плат.

Бог света касается свёрнутого корабля с такой брезгливостью, будто тот отравлен.

– Отступные жениху, – тем же легкомысленным тоном продолжает Локи, кивком веля подвести Фрейру волшебного вепря. – А также царю и дяде, – уже серьёзнее говорит он, протягивая Ньёрду обручье.

– Что-то царя меньше всех уважил, – возмущается тот. На что Локи лишь пожимает плечами:

– Не понравится – заберу обратно через девять дней.

«Если понравится – всё равно заберу», – мысленно добавляет он.

– Итак, достаточно ли выкупа? – вопрошает Локи. И следом обращается лишь к Бальдру:

– Согласен ли ты, тещушка, признать брак своей дочери?

– Я бы выжег тебе сердце, – размыкает губы бог света. – Но отныне твой венец – твоя защита. Я не желаю проблем Ванакейму. Потому оставлю тебя в живых.

– И отдам за тебя Сигюн. Добровольно, – вкрадчиво добавляет бог обмана.

Бальдр лишь крепче сжимает рукоять кинжала на поясе, чудом удерживаясь, чтобы не метнуть его в зятя. Скидбладнир, небрежно засунутый за пазуху, будто и впрямь обычный плат, выскальзывает на пол. Ньёрд, приметив это, резво наклоняется и прибирает его.

– Локи, довольно! – зычный голос Тора взматывается к высоким сводам. – Заканчивай балаган.

– Ты разговариваешь с царём, брат. Выбирай выражения, – столь же вкрадчиво отвечает Локи, и Тор, изумлённый наглостью – и правдивостью слов Обманщика – умолкает. Локи же не унимается: – Скажи это, Бальдр. Ну же! Неужели это так сложно – признать поражение?..

В пол ударяет сноп света – от пола до огромного потолка. Слепящий, будто полуденное солнце. Бальдр ещё владеет собой – он не целится ни в кого, лишь сбрасывает напряжение.

Локи же, воспользовавшись суматохой, достаёт из-за пазухи веточку омелы и швыряет её в Бальдра.

Прямо в едва прикрытую одеждой грудь.

Послом в Ванакейм Локи не хотел ехать.

Обычно лёгкий на подъём, в этот раз он заявил Одину, что предпочтёт побыть дома, в Асгарде, а послом пусть вон хоть Мимир побудет. Но Всеотца переспорить трудно даже красноречивому Обманщику.

Решив хоть как-то скрасить дипломатические будни, юный бог обмана принялся очаровывать ванов, расточая комплименты дамам и короткие улыбки суровым мужам. Дамы в ответ хихикали и томно вздыхали, мужчины смотрели с подозрением, пока не убедились, что ум аса столь же остёр, сколь и язык.

Так продолжалось, пока к пирующим – зал заседаний как-то плавно и незаметно превратился в пиршественный – не присоединился ещё один ван. Женские головки – не все, не все – мигом обернулись в его сторону с не менее томными вздохами.

Локи не тревожился за женское внимание. Но, когда вошедший заговорил, стало ясно, что его влияние – мягкое, но настойчивое, очень похожее на стиль самого Локи – здесь куда выше. И речи

красавчика направлены явно не на пользу Золотого Города, ради которой Локи и оказался здесь.

Младший царевич Асгарда пустил в ход всё своё красноречие, перетягивая одеяло на себя. Чем вызвал попытку незнакомого вана вежливо подколоть его. Локи улыбнулся – сперва мысленно, а следом – и открыто. Это была однозначно его территория.

Остаток вечера они провели, состязаясь друг с другом в остроумии и искусстве поддеть собеседника так, чтобы это не вылилось в политическое оскорбление. Когда же ван, сославшись на явно надуманный предлог, удалился, Локи с довольной ухмылкой приписал победу себе. И, склонившись к изящному ушку сидящей рядом девицы, спросил об имени красивого вана.

– Как, вы не знаете? – удивление было таким, будто он заявил, что миров на Иггдрасиле не девять, а один-единственный, и это не Ванахейм. – Бальдр Прекраснейший, Светлейший брат царя Ньёрда. Образец добродетели, на него равняются все ваны!..

Победное торжество резко улетучилось. Ещё и младший царевич – в точности как он сам. «Будто в зеркало заглянул...», – мелькнуло в мыслях. И тут же пропало – Локи неожиданно привёл с десяток доводов, что они вовсе не похожи. Настроение испортилось окончательно. Решение устроить Бальдру пакость, чтоб не задирал сильно прекрасный нос, пришло само собой.

И стараться особо не пришлось – ван сам подставил себя, отыгравшись на несчастной кошке.

Локи быстро понял – для Бальдра это была ошибка, досадная, нелепая случайность. Судя по его признанию – и тому, как он держался, когда на него ополчилась царская семья Ванахейма едва не в полном составе. Бог обмана почти зауважал его. Но поставить на одну доску с собой зазнайку-вана – было выше его сил.

...Не одно десятилетие понадобилось Локи, чтобы понять – он всё же признал в Бальдре равного.

Только не друга – врага.

И порой богу обмана казалось, что это самый честный вид отношений.

...Полёт тонкого зелёного побега кажется вечностью.

Две царские семьи прекрасно помнят легенды смертных.

Ньёрд выдыхает: их план всё же удался. Не так и не тогда, как планировалось, но – вот оно, покушение на члена царской семьи, у всех на глазах, среди бела дня!.. Ни Одину, ни Локи теперь не отвертеться.

Бальдр не сразу понимает, что произошло. И оседает на пол – то ли от удивления, то ли вспомнив полагающуюся ему роль.

– Покушение! Нет – подлое, бесчестное убийство у всех на глазах!
– Ньёрд спешит укрепить позиции. – Девять миров ещё не выдввали такой наглости от сотворения!.. И такой глупости, – не выдержав, добавляет он.

В самом деле, Локи что – рассудком повредился? Вот так, при всех, даже не дав противнику возможность хотя бы попытаться нанести первый удар, чтобы можно было всё списать на защиту...

Сам же виновник злодеяния лишь усмехается, скрестив руки на груди.

Поднявшийся было гам перекрывает удивлённый возглас Нанны, бросившейся к мужу:

– Что это?..

В руках её вместо побега омель – дубовая ветвь с маленькими желудями.

Бальдр чувствует себя неуютно. Хотя и придумал это всё не он, а Ньёрд.

«Легче было и впрямь умереть от этой треклятой веточки», – думает бог света.

– Ты бы ещё яблоко Идунн швырнул, – хмуро говорит он Локи. Впервые ему хочется, чтобы земля разверзлась не под ногами бога обмана, а под его собственными.

Но Локи тоже хорош со своими иллюзиями, демоны его побери!..

– Минута торжества над твоим трупом не принесла бы мне столько удовлетворения, сколько доставил этот маленький спектакль. Вы все так смешно всполошились... Неужели ты решил, что я куплюсь на легенды смертных? – насмешкой в голосе Локи можно резать, словно ножом. – Я был о тебе более высокого мнения... Видимо, зря.

– И этот трюкач женат на моей дочери!.. Сигюн!.. – неожиданно громко взывает бог света, и та, вздрогнув, медленно подходит к ним.

– Этот мерзавец принёс требуемый выкуп. По закону он может требовать тебя, – нехотя цедит Бальдр. – Что ты на это ответишь?

К горлу ванийки подкатывает комок. Кажется, само сердце, подпрыгнув, трепещет в неполюженном месте и не позволяет ни вдохнуть, ни внятно ответить. Отец спрашивает её, согласна ли она пойти за Локи?! Что с ним случилось? Красноречие Форсети пробрало? Или жёлуди?

Только... что теперь ответить? Совсем недавно ей бы в голову не пришла сама эта ситуация. Нелепая, как снег среди ясного лета.

Невозможная.

Как говорил её учитель о сущности богов и иных существ: «трикстер призван невозможное делать возможным...»

Она бы рада ответить «да». Но не под этим насмешливым наглым взглядом!

Не дожётся.

– Я думаю, отец, что этот брак послужит к пользе обоих миров, – молвит наконец богиня верности. – Мои же чаяния не столь важны на этой чаше весов. Если моя судьба – быть женой Локи, я не смею противиться.

Бальдр хмуро взирает на Сигюн. Переводит взгляд на бога обмана.

– Я думаю, нет нужды говорить, что если с головы моей дочери упадёт хоть один волосок...

Локи хмыкает:

– Я заварю ей укрепляющий отвар для густоты волос.

Возмущённые возгласы отца с дочерью порадовали бы его. Если бы не холод в голосе богини верности. Если бы не гордый её вид, просто кричащий о том, что хоть она и покоряется судьбе, доброй её воли в том нет ни капли.

– Не думай, что я подам тебе руку... *зять*, – наконец говорит бог света.

– Упаси меня папенька от этого!.. – фыркает Локи. – Я вовсе не собираюсь держать потом ладонь в кислоте, чтобы...

– Локи! – перебивает его взволнованный голос брата.

Лицо Тора непривычно серьёзно.

– Отец зовёт нас. Пойдём, мать уже у него.

***

Опочивальня Одина всегда напоминала склеп. Без единого окна, с мрачно поблескивающими золотыми стенами, с парой неизменных факелов в изголовье, она всегда навевала Локи не лучшие ощущения.

Но никогда – так ярко, как сейчас.

Один, явно державшийся из последних сил в тронном зале, неестественно бледен. Тор с тревогой опускается рядом, на ступеньки «ладьи». С тревогой спрашивает:

– Отец! Ты звал вчера лекаря, что сказал он тебе? Вид твой тревожит и подданных, и нас, твоих близких.

Единственный глаз Одина, когда-то пронзительно-голубой, как сейчас у Тора, красноват и мутен. Из груди со свистом вылетают хрипы. Будто давит что и душит царя девяти миров.

– Побудьте со мной, – голос его становится ещё тише. Видно, не имея нужды держать лицо, как в тронном зале, совсем сдал царь. – Сейчас... принесут моё вино, вы посидите со мной, мои... дорогие.

И Локи будто ледяным кнутом стегаёт: он ведь совсем забыл!.. Заколдовав слугу подливать яд Одину на случай своего отсутствия, он и не подумал снять заклятье, уходя к цвергам.

Бог обмана вспоминает, что сам он в последний раз добавил половинную дозу, слуга же, не получивший новых инструкций, продолжал выливать полный флакон.

– Мой царь, – слуга с привычным поклоном подаёт царю чашу.

«Хоть тебя сумеешь защитить...» И тяжесть ледяного тела в руках.

Он уже потерял одного отца. Теперь потеряет и второго?..

Неловкое движение. Чаша, будто извернувшись, выскальзывает из рук слуги. Вино орошает ему ноги, растекается по полу. Тревожно, пугающе нестерпимо сверкает в блеске факелов.

– Простите, мой царь, – слуга поспешно поднимает чашу. Откуда вдруг такая нерасторопность? Будто расписная посуда сама решила упасть... Добро не разбилась. – Я сейчас принесу новую порцию.

Локи поднимается было с ложа, но ладонь Одина, хватающая его за полу, останавливает его.

– Сын... Побудь со мной. Побудьте со мной все, – вторую руку Один кладёт на колено сидящего рядом Тора. Фригг же, встав, с встревоженным видом сама кладёт ладони мужу на плечи.

Локи медлит – и упускает момент, когда можно было под благовидным предлогом уйти. Возжелать удалиться сейчас, в миг, чтобы ему пусто стало, семейного единения – значит оскорбить всех.

Значит, вызвать подозрения.

Что ему делать? Второй раз упавшая чаша – это уже слишком...

Но Локи не может позволить Одину испить хотя бы глоток. Тот *так* выглядит... Быть может, именно сегодняшняя доза окажется смертельной?

...Золотая цепочка, ограничивающая свободу пребывания в Ледяном мире. Золотой ошейник.

– Ты даже не мой отец, какое право ты имеешь распоряжаться моей судьбой?! Говоришь о любви, а сам посадил на цепь, будто собаку дворовую!.. Будь проклят тот день, когда ты выкрал меня! Будь проклят ты сам!

– Я забочусь в первую очередь о благе собственного царства! И желаю дать тебе воспитание аса, а диких обычаев родной крови ты нахватаешься и сам!..

...Двое подросших мальчишек стоят на пороге классной комнаты.

– Возлюбленные сыновья! Вы оба рождены царями. Когда-нибудь вам придётся править царствами, и я позабочусь о том, чтобы вы были их достойны. У вас будут лучшие учителя, но первый урок я проведу сам. Самый важный для будущего царя. Итак...

– Папа, а разве этот урок ты не должен рассказывать только мне? Я буду править девятью мирами, а Локи – только одним! Зачем ему это знать?

Он не успел даже обидеться на Тора. Один властно оборвал родного сына:

– Величие царя определяется не широтой власти, ему отпущенной, а тем, как он распорядится ею! Правители огромных держав умирают в презрении и бесчестии, вожди безвестных племён достигают

почёта и славы. Царём делает не корона, Тор. Твой брат имеет равные с тобой шансы как стать величайшим правителем, так и пустить царство с молотка.

...И совсем давнее, но яркое, большое, пронзающее толщу веков будто наточенный клинок – беззащитное горло:

– Один и мой папа тоже!

– Верно, Локи. Ты мой сын. И всегда им будешь.

Всегда им будешь. Всегда будешь сыном...

– Мой царь...

Плещется вино в расписной чаше. Локи даже не уверен, что там отравы. Он ничего не приказывал слуге на такой случай.

Порывисто поднявшись, он выдёргивает руку из ладони Одина – и встаёт между ним и слугой, оттесняя последнего.

– Отец, тебе стоит более пристально смотреть за своими слугами. Мне не нравится это вино.

– Но мне надо... в горле пересохло, – почти умоляюще шепчет Всеотец. И трясущейся рукой ухитряется взять проклятую чашу.

– Отец, не пей!.. – терять уже нечего, и Локи локтём выбивает чашу из рук Одина.

Вином забрызган его камзол. Вином облит рукав одеяния царя Асгарда.

– Вот как. Сделал, наконец, выбор, – произносит тот совершенно ясным и чётким голосом, столь разительно отличающимся от недавнего хриплого полушёпота. Смотрит вмиг проясневшим оком на редкое зрелище – застывшего с открытым ртом младшего сына.

Надо отдать Локи должное: справляется он с эмоциями быстро.

– Ты знал, – звучит почти обвиняюще.

Резво поднявшись – ах, какое это наслаждение – более не играть дряхлого умирающего старикашку!.. – Один сварливо заявляет:

– Не я ли тебя учил не быть слишком самонадеянным? Но мои слова, видимо, пролетали насквозь, не оседая в разуме. Неужто ты и впрямь думал, что я не замечу отравы, Локи? Или не вычислю мерзавца? Проверь дальнего врага и близкого друга – и скорее всего отыщешь второго.

Во время тирады Одина Локи инстинктивно отступает назад, к дверям. Но высокие створки с лязгом и грохотом захлопываются за его спиной, перед тем исторгнув наружу незадачливого слугу.

Царская семья остаётся в одиночестве. И до последнего непосвящённого начинает доходить.

– Локи... – Тор приподнимается с ложа, принохивается к разлитому вину. Переводит взгляд на откатившуюся в угол чашу. На непривычно бодрого Одина. – Ты... ты травил отца, брат? Поверить не могу! Как...

– Ядом в вино, – охотно отвечает травимый. – Я уж, признаться, и не чаял, что ты передумаешь, – насмешливо обращается он к сжавшемуся у дверей Локи.

– Как видишь, он выбрал тебя, – негромкий голос Фригг переводит всё внимание на себя.

– Мама! И ты знала? – восклицает Локи, и в этот миг ему как никогда хочется провалиться к корням Иггдрасиля.

Грозно блеснув очами, царица подходит к младшему сыну.

– Знала. И болью в сердце моём отзывалась каждая отравленная чаша. Знай, ты травил не только отца, но и меня. – Тон непривычно, безжалостно сух, будто выжженная в жару трава. Редко такой услышишь от царицы.

Но вот грустная улыбка трогает уголки губ Фригг, и говорит она уже мягче:

– Однако я рада, что ты передумал.

Поцеловав Локи в лоб, Фригг отходит. И место её тут же занимает Тор.

– Я считал тебя братом, скользкий змей!..

– Не здесь, Тор, – говорит Один.

– И не во дворце, – добавляет Фригг, наблюдая, как старший её сын, схватив младшего за шиворот, пинком распахивает тяжеленные двери, волоча свою «добычу».

– Ай!.. Тор, может, ты вспомнишь о моём дипломатическом иммунитете?.. Арр!..

– Тор, может, договоримся?.. После Лафея осталась неплохая казна... Ох!..

– То-о-ор!..

– Потише, братец. Или ты желаешь создать себе репутацию любителя непотребств с мужчинами?

– Если это пойдёт на пользу *твоей* репутации, любезный брат – то да... Тор, больно же!.. Я же передумал в конце концов!..

– Я прекращу, – Тор и впрямь останавливается. – Если ты снизишь таможенные пошлины для Асгарда на двадцать процентов.

– Это же грабёж! – возмущается Локи. Но, когда пудовые кулаки вновь начинают увлекательное путешествие по его распластанному телу, резко передумывает: – Хорошо, я подумаю!.. Только прекрати!..

– Ты упустил свой шанс, – усмехается Тор. Он даже не запыхался. – На сорок процентов. И не «подумаю», а «сделаю сегодня же», о великий и коварный Обманщик!

– Тор, хоть кто-то из нас должен остаться образцом чести и справедливости!.. Тридцать процентов, и убери ты его уже с меня!

– Такой скользкой змее он к лицу, Локи. Поверь, мило смотришься.

– Будущий царь Асгарда – забияка и торгаш. О, горе тебе, Золотой Город!..

– А царь Йотунхейма – несостоявшийся отцеубийца, – хмыкает Тор и, отвесив Локи последнего – душевного – пинка, убирает с его груди Мьёлльнир. – Тридцать пять процентов.

Со стоном бог обмана поднимается – не с первого раза. Нет сил даже привести в порядок одежду, порванную и измазанную в пыли. Но очи его блестят по-прежнему хитро, когда он произносит в широкую спину брата:

– Я не только раньше тебя женился, Тор. Я раньше стал царём. Признай уже, что завидуешь.

– Чему? Шилу в твоей заднице? – уже добродушно усмехается Тор. – Моё от меня не уйдёт. Пойдём домой, *брат*.

И Локи понимает – Чертог Одина и впрямь останется ему домом.

Даже в другом мире, в другом дворце и с ледяной короной на голове.

Кивает:

– Пойдём... *брат*.

***

Фрейр чешет Гуллинбурсти за ухом, приговаривая:

– Какой же ты всё-таки у меня умный! Поумнее иных наших придворных будешь, да и местных тоже... И быстрый, ровно ветер сам. Щетинка моя Золотая...

Переливы смеха с порога заставляют его умолкнуть.

– Фрейя!.. – царевич Ванахейма смущён, но не слишком. В конце концов, Фрейя со своими кошками тоже носится сверх всякой меры. Но то дева, а то – мужчина и воин, царь будущий...

– Как легко ты забыл Сигюн, – уже не смеясь, богиня красоты опускается рядом с братом. – Как доволен этим зверем. Он и впрямь чуден, конечно...

– Он чудесен. Договаривай, Фрейя.

Царевна расправляет несуществующие складки платья на коленях.

– Меня пугает лёгкость, с которой ты отказался от невесты, – заявляет она, глядя Фрейру в очи. – Грозился вызвать Локи на поединок, а стоило ему вручить отступные, так теперь только сам с собой соревнуешься: в который час дня более погладить вепря – в утренний или в вечерний! А то не дай Один обидится животное!..

Ван изумлённо пожимает плечами:

– Я думал, ты рада будешь, что мы расстались с кухней миром! Фрейя, неужели тебе не по душе то, что ты одна теперь для меня желанна?

Фрейя, помолчав, говорит уже тише:

– Боюсь, как бы на её месте однажды не оказалась я...

Чмокнув брата в губы, вспархивает легко. Будто и не сидела тут.

Царевич лишь пожимает плечами. «Не поздно ли спохватилась, сестричка?» – бормочет он, вновь склоняясь к вепрю.

Разделив с братом ложе, будто изменилась Фрейя. Будто сложнее стала. Непонятнее. Это близнец-то единоутробный!.. Только напрасны страхи её. Разве сестру Фрейр оставит? Всё одно что от себя уйти.

– Посиди-ка без меня, Гуллинбурсти, – треплет царевич того по загривку и поднимается.

Надо найти и успокоить сестру.

Любимую.

***

Затих Золотой Чертог. Поздний час, разошлись все в опочивальни – от гостей высоких до слуг. Только одному асу не хочется возвращаться в свои покои. К другим дверям его тянет.

К покоям заложницы Асгарда.

Останавливается бог обмана перед дверями теми. Корит себя за глупость да несдержанность, да ноги никак обратно идти не желают.

«Наверняка ведь спит...», – думается ему, когда ладонь будто сама собой на ручку ложится.

«Хоть на спящую взглянуть».

Сигюн не спит. Стоит у распахнутого в ночь окна, вслушивается в стрекот цикад из дворцового сада. Ночной гость входит бесшумно, но она будто кожей чувствует, что уже не одна.

– Отчего не спишь в столь поздний час высокой гостье Асгарда? Кого ты ждёшь, Сигюн?

Дева не оборачивается.

«Подойди же. Обними меня. К чему пустые вопросы, говорливый Обманщик?..»

– Значит, наш брак – выгодная сделка для двух миров. – Голос едок, будто сок молочая. – И ты согласна принести своё счастье на алтарь общей пользы.

Сигюн по-прежнему молча смотрит в усыпанное звёздами небо.

– Только мне не нужна такая жертва, – зло говорит Локи, и богиня верности наконец оборачивается.

А муж её продолжает – уже не зло, а устало:

– Что ж, будем считать это политическим браком. Я ведь теперь правитель... В ближайшие пару-тройку десятилетий я не смогу позволить себе развод. Думаю, статус царицы Йотунхейма компенсирует доставленные тебе неудобства. Со временем я изыщу способ, как нам расстаться без урона для обоих. Считаю это время... ещё одной возможностью как следует изучить йотунов. Может, пригодится.

Губы Локи кривятся. О да, он был бы рад, если бы она взялась за изучение одного отдельно взятого йотуна. Основательное такое изучение, желательно в горизонтальной плоскости...

Но есть нечто ещё более желанное. Искренняя улыбка. Потеплевший взгляд. То, что разбило бы стену меж ними, возведённую войной, враждой...

Стену, которую укреплял он уже собственноручно.

Локи прикрывает глаза. Он ведь уже всё решил. Отчего так сложно озвучить своё решение?

На что он только обрёл себя этой глупой женитьбой? Он не думал о деде, верша свою месть. Теперь всё вернулось обратно – и едва ли не в большем размере. Как жить с желанной... *любимой* женщиной – и вести себя с ней, будто с надоедливой придворной леди?..

– А теперь желаю тебе спокойной ночи. Никто не нарушит твой покой – ни в эту ночь, ни в последующие.

– Вот, значит, как, – недовольный голос Сигюн останавливает его, уже взявшегося за ручку двери.

Богине верности столько всего хочется сказать – и давно теснящего грудь, и нахлынувшего от обиды. Заморочить ей голову, заставить забыть Фрейра, отца, Ванахейм, а после заявить – «я найду способ расстаться...»? Воистину, нет совести у Обманщика!

– Знаешь что, царь Йотунхеймский!.. – выпаливает она наконец в спину Локи. – Не катился бы ты в свой снежный мир вместе со своей короной! Ищи себе царицу во льдах и изо льда! Она будет тебе под стать – такая же холодная, как твоё сердце!..

И Локи наконец *понимает*. Бог обмана обманул сам себя – дважды. Что ж, он умеет смеяться – в том числе и над собой.

Только не сегодня. Потом.

Медленно, очень медленно он оборачивается. Смотрит на возмущённое лицо девы. На то, как гневным огнём даже в темноте полыхают серые очи. Облегчение – неожиданное и оттого лишь более сильное – затапливает его.

Но трикстер остаётся верен себе.

– Упрашивай меня, Сигюн, – хрипло говорит Локи. В ответ на недоумённый взгляд находит силы усмехнуться: – Я ведь говорил, что ты будешь меня желать, умолять поцеловать тебя... Начинай.

Скрестив руки на груди, напускает на себя самый небрежный вид. Но, Один всемогущий, каких усилий это стоит!..

– Вот ещё!.. – гордо вздёрнув подбородок, Сигюн в два шага сокращает расстояние между ними. Ухватив Локи за воротник камзола, тянет на себя. И наконец целует желанные губы, будто стирая весь яд, что исторгался из них.

Разверзлись под ногами бездна, полейся сверху огненный дождь, да начнись хоть сам Рагнарёк – она не отстранится.

У бога обмана мелькает было мысль изобразить ледяную статую самому себе. Но тёплые губы на губах, тонкие руки, зарывшиеся в его кудри, не оставляют место глупым мыслям.

И умным – тоже.

Разжав скрещенные руки, царь Йотунхеймский наконец обнимает жену. Так крепко, будто не намерен отпускать до конца времён.

И отвечает на поцелуй.

Эпилог

– Ма-ам!.. Проснись, мам! – дёргает за свесившееся покрывало, укрывающее царицу йотунхеймскую, пацанёнок лет семи. Чернявый да кучерявый, и проворный – страсть!..

В дверях возникает одна из няnek – запыхавшаяся йотунша. Взволнованно шепчет:

– Царевич Нарви!.. Вот ты где, негодник!.. Иди сюда!..

– Локи, твой сын опять не даёт поспать, прямо как ты, – сонно бормочет Сигюн, пытаясь ухватить сползающее покрывало.

– Иди сюда, не буди царицу! Да царевич же Нарви!..

Тот лишь тянет одеяло сильнее – и, не выдержав неравной борьбы, оно сползает окончательно. Сигюн зябко поводит обнажившимися плечами.

И просыпается окончательно.

– С добрым утром, мама!.. – радостно прыгает к ней Нарви. Вручает красную благоухающую лилию: – Это тебе!

– Моя царица, простите, – сконфуженно говорит нянька. – Он так быстро бегаёт...

Сигюн берёт цветок – и улыбается от нахлынувших воспоминаний. Привлекает к себе довольного сына, целует в кудрявую макушку.

– Ничего. Оставь нас, раз уж всё одно не поспать...

– А папы опять нету, да? – спрашивает Нарви немного расстроено. – Пойдём в сад, мам? Там с утра красивше всего!

...Солнце ещё не поднялось над Ледяным миром. Лишь узкая полоса зари алеет на горизонте. Снег ранним утром синий-синий. Вьётся меж сугробов тропа широкая, йотунскими большими ногами протоптанная. Всякому на диво поглядеть хочется. Снег кругом, мороз да холод, а ступи в сад, за завесу мерцающую – тут тебе и тепло, и зелень, и цветов великое множество. А дальше плантации да поля начинаются.

Большие силы на то потребны – поддерживать несвойственный Йотунхейму климат даже на одном участке. Царь йотунхеймский часто его обходит, магией огненной своей делится, чтоб могла земля морозу противостоять.

Велика сила бога обмана, да один навряд ли бы справился. Оттого каждый год ходит по саду тому бог света и весны. Будит мёртвую землю, зовёт её к жизни. Воскрешает поля уснувшие. Каждый росток пробившийся обогреть да обласкать старается – так, что с ног порой после обхода валится. Да чего не сделаешь ради любимой дочери!..

...Те сады в Йотунхейме и прозвали в честь царицы – сады Сигюн.

Бальдр стоял, сцепив руки на груди, всем видом показывая отношение своё к собеседнику. Зять появился к нему без венца, в привычном своём облике.

– Тебе привет от дочери, – бросил небрежно. – Она в беде.

Вскинулся Бальдр, лучи света в ладонях замерцали.

– Тоскует она, – продолжал как ни в чём не бывало бог обмана. – Снега, морозы... В Ванахейме иной климат.

– Ты украл цветок моей жизни, а теперь жалуешься, что он увял в объятьях вечного холода? – мрачно осведомился Бальдр. Прошипел: – Или же в твоих, Обманичик?!

Локи хмыкнул:

– Повторяешься, тестюшка. Тебе пора придумывать более изощрённые оскорбления, если не хочешь, чтобы я умер от скуки, слушая твоё брюзжание. Но я пришёл не за этим.

Подивился Бальдр: враг его, всегда самоуверенный да наглый сверх всякой меры, смущён будто бы. Словно сказать о чём не решался.

«Притворяется», – подумал бог света.

Улыбнулся наконец Локи – широко да лукаво:

– Я принёс сложный выбор. Чьё благополучие тебе дороже – Ванахейма или дочери?..

...Три дня и три ночи выторговал Бальдр себе на раздумье. Не мог он не понимать, что затея Локи лишь внешне преследует благородную цель – порадовать Сигюн. Если в Йотунхейме разбить сад... через полвека там будет и огород, и лес – не Железный, настоящий! – а значит, и зверь, и птица.

И Ледяной мир перестанет так остро нуждаться в торговле с Ванахеймом. И с кем бы то ни было ещё.

«Ну каков мерзавец, а! По больному... Но ведь и впрямь Сигюн, бедная Сигюн теперь живёт в вечном холоде... Это с её-то любовью к теплу и нашим просторам!» – думал Бальдр, выхаживая по любимой зелёной гостининой. «Но умён, не отнять... Экая дерзкая затея!»

В самом деле, неизвестно, как отреагирует сама земля Йотунхейма на такое вмешательство. Не обернётся ли всё катастрофой?..

Хотел было Бальдр с царём своим посоветоваться, да тут же отбросил эту мысль. Фрейр после расставания с Сигюн вряд ли будет особо благосклонен к подобной затее. Да и негоже дяде у племянника ум занимать.

Когда Локи пришёл за ответом – на сей раз йотуном, при всём царском параде – Бальдр всё ещё был не уверен.

– Ты просто боишься, что твоя весна слабее моего огня, – насмешливо заявил с порога бог обмана. На недоумённый взгляд

пожал плечами: – Если ты откажешься, я просто буду растапливать снег – столько, сколько потребуется. Я не отступлюсь.

Вгляделся Бальдр во врага своего заклятого. В избранника дочери, царя соседнего мира, Обманичника да насмешника. Вгляделся – и увидел в очах алых спокойную уверенность. И впрямь будет снега топить в одиночку... Неизвестно, чем то обернуться может. А ну как Сигюн вдовой останется?..

Не раз обещали враги друг другу смерть лютую. Не раз представлял Бальдр Обманичника в мрачных палатах Хельхейма.

Да не зря говорят: враг порой друга ближе. Нет у Бальдра друзей. Родня есть, друга задушевного нет. Враг только имеется. Взлеянный, возвращенный...

Кровью родной ныне связанный.

Вслух только и молвил Бальдр:

– Это мы ещё посмотрим, чей свет ярче.

***

– Папа, а я смогу поднять твой молот? – совершенно серьёзно вопрошает царя асгардского дочь, выпивая за завтраком своё молоко и болтая под столом ногами на слишком высоком для неё стуле.

Разумеется, для маленькой царевны была изготовлена ножная скамейка, украшенная драгоценными камнями. Только это чудо столярного и ювелирного мастерства регулярно задвигается глубоко под стол. Царевна Труд желает болтать ногами в воздухе за завтраком, обедом и ужином. Никаких исключений.

Тор, смачно вгрызающийся в ароматную кабанью ножку, крикнув, покрывается багровым. Царица асгардская, фыркнув, точно и сильно отвешивает ему под столом пинка. И Тор наконец соображает, что дочь имеет в виду Мьёлльнир, а вовсе не те шутки, которыми они с Сиф обменивались этой ночью...

И не только шутки.

– Видишь ли, дорогая, – царь Асгарда кладёт недоеденную ножку на блюдо, – молот – оружие не для женщины. Ты станешь царицей, спору нет, но Мьёлльнир...

– Я буду не просто женщиной, – упрямо заявляет Труд. Над верхней губой у неё молочные усы. – Я буду валькирией! И царицей девяти миров. Может быть, – с сомнением добавляет она. – Но молот я точно хочу!

– Мы сделаем для тебя маленький молот, – вмешивается Сиф, наклоняясь и протирая молоко с губ дочери. – Такой, чтобы был по руке.

Тор облегчённо вздыхает и вновь берётся за кабанью ножку.

– Нет, я хочу папин! – маленькая ручка сжимается в кулак, воздетый к потолку Золотого Чертога. – Я буду очень стараться, чтобы

стать достойной! Я не собираюсь отдавать его какому-то там мужу, даже собственному!..

Сиф и Тор переглядываются. Сиф неслышно вздыхает и невольно прижимает руку к животу в защитном жесте. Всё будет явно сложнее, чем они ожидали...

– Труд, я могу показать тебе кое-что интереснее Мьёлльнира, – не очень уверенно говорит Тор. – И твёрдо могу обещать, что им точно владеть тебе, ибо ты мой первенец, ты – будущая царица Асгарда...

– Что? – скучающе произносит царевна, отставляя пустую кружку. – Если опять скажешь про Гунгнир, то зря стараешься.

– Он не знает промаха, как и Мьёлльнир! – возражает Тор. – Ещё он золотой, и длинный, и...

Он умолкает, не зная, что ещё добавить. Ибо сам-то он точно разделяет страсть дочери к молоту – и равнодушен к Гунгниру как царской регалии. В конце концов, до Хлидскьялва тот не дотягивает... Вот на троне Тору вполне нравится сидеть. Особенно когда он велел пошить с дюжину подушек, заявив, что царь должен уметь спать на голой земле, но вовсе не обязан сидеть на голом троне.

– А Мьёлльнир – летает, – тихо и проникновенно говорит Труд, заглядывая небесными глазёнками в глаза отца – будто озёра друг в друга смотрятся. И Тор, поспешно вытерев руки от жира, подхватывает дочь на руки и кружит с ней по залу. Смеётся:

– Так ты летать хочешь, моя дорогая? Так бы сразу и сказала. Мы подарим тебе крылья.

Глаза царевны распахиваются от удивления.

– Да, крылья, самые настоящие! – подтверждает отец. – Одолжу у брата.

– Дядя Локи! – радостно восклицает Труд. – Когда мы к ним поедем? Этот Нарви такой смешной... Но он так интересно всё придумывает!..

– Поедем. Скоро поедем, – Тор бережно опускает дочь на пол. – А пока иди, поиграй.

Когда Труд убегает, Сиф хмуро оборачивается к мужу:

– Ты ведь это не всерьёз – про оперенье Локи? Она ещё так мала!..

Тор хмыкает:

– Оперенье вообще-то Фрейино... было когда-то. Но, коль скоро они одна семья, отчего не напрячь братца? Пусть дитя потешится.

– Но летать, Тор!.. – не унимается царица асгардская. – Столько опасностей для такой маленькой девочки!..

– Жизнь вообще довольно опасная штука, тем более для царской семьи, – философски говорит Тор, призывая Мьёлльнир. Взвешивает его на руке, улыбается. У дочери определённо есть вкус. Только вот молот и впрямь не женское оружие.

– Мы подарим ей оперенье на день рождения брата, – говорит бог грома, обернувшись к жене.

– А может, сестры? – лукаво вопрошает Сиф, склонив голову набок.

– Дочь у нас уже есть, теперь будет сын, – без тени сомнения заявляет царь Асгарда. – Магни. И он будет владеть Мьёлльниром.

***

Скрип двери в раннее утро. Далеко слышно все звуки в тишине, царящей над горами. Утренний туман клубится, прохладный и свежий. Скоро выпадет роса.

Отворяется дверь. Статная женщина без возраста выходит на крыльцо. Невесомо касается деревянных резных перил. Туман ластится к ней, словно белый ласковый кот.

Взяв подойник, идёт к сараю в глубине сада. Приносит свежее парное молоко к столу, что стоит на террасе. Достает нежнейший творог, дырчатый сыр. Кивнув своим мыслям, уходит в дом – ставить в печь хлеб.

Стук противня будит мужчину, спящего без покрывала на широкой деревянной скамье. Поднимается он сразу же, по вбитой привычке бодро и резво. Расслабленно смотрит на хлопочущую жену. Хоть сейчас, на закате жизни, полюбоваться на неё. Раньше-то всё дела, дела. Войны, переговоры, приказы, поездки, суды... Порой не виделись месяцами, не то что вот так – по-домашнему, неторопливо, уютно...

– Доброе утро, – надтреснутым голосом говорит муж, спуская босые ноги на полосатую ковровую дорожку.

– Доброе, – молвит в ответ жена.

Румянится хлеб в печи. Щекочет ноздри аромат печева. Пахнет деревом, свежестью и чем-то ещё, неуловимым.

Домом.

А может, свободой.

Наконец-то бремя обязанностей ушло с их плеч. Пусть сыновья со своими жёнами теперь занимаются грязной работой!.. Руки обоих соскучились по простой работе: мужицкой ли, женской ли. Соткан ковёр на полу, пошиты занавески лёгкие на окнах – то Фригг работа. Дом стёсан, мебель удобная вырезана – то царь девяти миров бывший руку приложил.

Меж тем и хлеб в печи подходит. Подгорел чутка, да румяная корочка ведь всегда вкуснее. Внуки приедут – подтвердят.

Уносит Фригг на веранду горячий хлеб. Режет его крупными ломтями, втыкает ложку – стоит та, не падает – в густую сметану.

Один выходит на крыльцо, влекомый вкусными запахами. Потягивается.

– Хор-р-рошо!..

Жмурит единственный глаз от удовольствия. Фригг улыбается – мягко, понимающе. И от сдержанной той улыбки тепло разливается в груди Одина.

***

Волны шальные за кормой плещутся. Пена с них что руно с овец сыплется, в борта Скидбладнира ударяет. Скрипят уключины. Паруса трепещут, будто крылья чайачьи – ветер нынче попутный. Хоть драккару чудесному он и не требуется.

Стоит бог моря на носу, на стихию родную смотрит – не налюбуется. Наконец-то время появилось по морям ходить.

...Едва надел Фрейр венец царский, на следующий же день вышел Ньёрд в море. Один, с парой слуг верных. Дивятся те на царя, признать не могут: словно помолодел Ньёрд на пару-другую сотен лет. Взгляд огнём заблестал, в руках силы будто прибавилось, хоть и не жаловался он на силушку. Ноги будто сами понесли к драккару чудесному.

С тех пор Ньёрд дома появляется раз в полгода. Вернётся, взглянет, как дела в царстве идут, близнецов обнимет – да уж и обратно рвётся. Не наговорится с морем, будто с дитём родным.

И море радо, что бог его к нему внимателен наконец сделался: и так ластится, и эдак... Драккары пропускает, штормом да ураганом резвится в одиночестве. Морякам легче стало по морю ходить.

Стоит Ньёрд, вперёд да вдаль смотрит. Туда, где море с небом в одно сливаются, будто влюблённые.

***

Тверда, пружиниста походка царя ванахейского. Будто торопится он от земли подошвами оттолкнуться: столько всего ведь успеть надобно!..

Глушит земля шаги. Тропинка извилистая по саду петляет. Ведёт к скамье резной, на дерево подвешенной. Сидит на ней царевна ванахейская, а на коленях у неё кошка мурлычет.

Изменилась Фрейя. Платья да ожерелья не в почёте у неё стали. Боевой наряд – постоянное её одеяние ныне. Только что доспех надевает редко Фрейя Ванадис – столь же грозная, сколь и прекрасная.

Предводительница легиона валькирий.

...Всколыхнулись и Асгард, и Ванахейм, когда собирающийся на покой Один прислал царевне ванахейской письмо – с предложением занять вместо него пост главы валькирий. Богиню любви и красоты – в валькирии?!.. Злые языки шептались, что царь Асгарда и впрямь выжил из ума.

Только умолкли – и зашептались уже в изумлении, когда твёрдой рукой навела Фрейя порядок среди воинственных дев. Признали её да полюбили, хоть и не сразу. Она же нашла в заботе о валькириях утешение израненному сердцу.

Любовь её с Фрейром недолгой оказалась. Будто ложем разделённым иная близость их перечеркнулась. Перестали они доверять друг другу самой себя, стали ссориться часто, а мириться – тяжело. Видя, что уж совсем не в состоянии, предложила Фрейя брату сама забыть всё, что было меж ними после злополучной пещеры цвергов.

Не хотела, чтобы брат первый её бросил. И не хотела, чтобы мучился, не имея сил боль ей причинять.

После разрыва того издал Фрейр указ, запрещающий кровные связи. И ревностно принялся его контролировать. Заскрипели ваны, да закон тот на пользу пошёл. Дети крепче стали, здоровее. Иные миры Ванакхейм принимать лучшие стали.

Только разбитую чашу целой не сделаешь. Так и осталась в отношениях брата с сестрой натянутость. Фрейр приглядел себе деву по сердцу, Фрейя без внимания мужеского не оставалась.

Да не могла толпа ухажёров из мыслей близнецов друг друга вычеркнуть.

– Здравствуй, сестра.

Скользит быстрый взгляд по буйной зелени сада. По кошке, на коленях пригревшейся. По тропинке мягкой, что под ноги стелется.

Всюду, кроме лица, что так на её собственное похоже.

– Здравствуй, мой царь. – Голос равнодушия полон, да не провести Фрейра столь легко.

– Всё ещё злишься на меня? – говорит он негромко. – Фрейя... Так не может дальше продолжаться, сестра! Мы ведь... обо всём договорились.

Та гладит кошку, на коленях свернувшуюся. Не смотрит на царя по-прежнему. Рада бы – да как в бывшем любовнике вновь брата увидеть?..

– Ты ещё скажи, что указ издал, и я ему подчиняться обязана, – хмыкает царевна, поднимая наконец глаза на Фрейра. – Что твоя Герд? Не сбежишь от неё, как от Сигюн сбежал?

Молчит Фрейр. Нестерпимо хочется до руки сестры дотронуться. Не как женщины – сестры, близнеца, что твоё продолжение, отражение... Душа одна на двоих ведь!..

Сгоняет Фрейя кошку с колен. Та, сонно мявкнув, недоумённо уходит, оставляя ванов совсем одних.

– Ты пришёл вновь искать у меня тепла, мой царь? – насмешливо, колко спрашивает Фрейя. – Или за благословением на семейную жизнь? Так за этим в Мидгард теперь надо отправляться, Фригг искать!..

Слышит Фрейр нотки знакомые ревнивые в голосе сестры. Слышит и другое – тоску по брату, по отражению своему. По тому времени, когда были они близки как никто. Словно дети, за руки держались, и сидела сестра у него на коленях – и никто из них не видел в том ни

дурного, ни страстного. Венец бы царский отдал Фрейр, чтоб только вновь ту близость вернуть. Да возможно ль то?..

Не знает царь ванахеймский ответа.

Но попытаться он должен.

На колени бы опустился... да неправильно ещё поймёт. Решит, что вновь за объятиями её жаркими пришёл.

Подхватил Фрейр руку сестры, лбом к запястью её прижался – и замер так, склонённый. Не идут на ум, на язык слова. Да никогда им много слов меж собой и не требовалось.

Дёрнула Фрейя руку – не отпустил Фрейр. Хотела уж было силу применить – став предводительницей валькирий, многому выучилась прежде нежная царевна. Полетел бы через весь сад сизым голубем – так, что венец по пути свалился бы!..

Да тронула её недвижность Фрейра. Знает ведь о могуществе её, о том, что обрела силу немереную. И всё одно не боится сестру разозлить.

Падает слеза горячая на плечо вана. Поднял он голову – только руки сестриной не выпускает. Знай сжимает крепче.

И Фрейя в ответ сжимает его ладонь.

– Фрейя... сестра моя, – выговаривает наконец хрипло Фрейр. – Просят любимых жёнами стать, я же прошу тебя – стань сестрой мне вновь, Фрейя!.. Не мил без тебя мне Ванахейм любимый, не мил и венец царский. Вернись ко мне, *сестра!*

Молчит Фрейя. В лицо дорогое смотрит – словно в воду глядится. Вот будто рябь по воде пробежала. Или то вновь слеза покатилась?..

Не к лицу предводительнице валькирий слёзы лить. Да ведь богиней любви она осталась по-прежнему. Только сама не там любовь свою искала?

Или – не той?

– Я здесь... *брат.*

***

С раннего утра шумит йотунхеймский дворец, что твой муравейник. Сто лет минуло со дня воцарения правящей четы. Сто лет со дня их свадьбы, о которой уж легенды по трём мирам сложили. Маловато, конечно, ну да какие их века. Наверстают ещё.

...Не только совместную жизнь монархов своих йотуны чествовать готовятся. Поистине новая эпоха началась с их воцарения. Заключили мир с Асгардом, наладили с ним отношения. Избавились от зависимости Ванахейма – так и норовили ваны в обмен на продовольственную помощь казну опустошить. Ровно не капусту да брюкву привозили, а слитки золотые.

Сами йотуны в себя поверили. Встрепенулись, к жизни вернулись. Солнце возвратилось в Ледяной мир, осветило его лучами ласковыми.

Редкие дети, в столетия мрака рождённые, долго поверить не могли, что чудной этот шар появляется и исчезает на небе каждый день. После привыкли. Многих новорождённых мальчиков и девочек стали нарекать Сольгерд да Сольвейг – светило восхвалять вернувшееся.

...А ещё позднее в ход у йотунов пошли огненные имена – Лауги, Льот. В честь своего царя.

Прибывают гости в Ледяной мир. Ёжатся с непривычки, фыркают. Особливо ваны – зима в Ванахейме дуже мягкая. Царь Фрейр с сестрою в соболиные шубы укутаны. Даже Ньёрд возвратился из очередного морского похода – аккурат к празднеству. Не отказал себе в удовольствии посмотреть на Йотунхейм – уж больно много слухов о нём ходить стало.

И Бальдр с Нанной приехали, разумеется. Как же к любимой дочери на празднество не прийти!

Как же отказать себе в удовольствии с зятем сцепиться!..

– Тестюшка пришёл, – улыбается тот лукаво, кудри чёрные со лба откидывает. Ровно и венец не давит на мерзавца – также весел да улыбчив. Помнит Бальдр, как изменился брат его, на престол вступив. Быстро посерьёзnel тогда Ньёрд, улыбаться редко стал. А этот всё шутит да улыбается, ровно на голове не корона – колпак шутовской!..

Вслух же отвечает бог света:

– И тебе не хворать, зять любимый. Пожелал бы царству твоему с копыт скovyрнуться, да ради царицы его попридержу проклятья.

– И царевича, – добавляет Локи. – А вот и он, кстати.

Нарви бежит навстречу дедушке с бабушкой, обгоняя обеих нянек: и асинью, и йотуншу. Обе быстры ногами, да всё одно царевич проворнее.

Глядя, как теплеет взгляд заклятого врага, когда виснет на нём Нарви, что-то бойко рассказывая, Локи хмыкает.

– Муж мой, – негромко говорит Сигюн, нежно, но цепко трогая его за запястье. – К чему мне готовиться на этот раз? К пожару? Буре? К рассыпающимся на ходу каретам? Нашествию мышей, а после – Фрейиных котов?..

Локи смотрит на жену – и в глазах огоньки задорные пляшут.

– К подарку, – молвит негромко, проникновенно.

Сотню лет слышит она этот голос. Сотню лет смотрит в колдовские очи – то зелёные, то алые, но неизменно лукавые.

Сотню лет терпит проказы неугомонного своего мужа.

Или – наслаждается ими?

Гордая, неприступная богиня верности. Лукавый Обманщик, ходящий вечно по грани. Кто бы мог представить их вместе, кроме прозорливого Одина да прозревающей будущее Фригг?.. Кто бы поверил, что они прекрасно уживутся – и расцветёт под их началом Ледяное царство?

Говорят, страсть тускнеет со временем... Говорят, сложно пронести любовь сквозь годы, не запятнав, не уронив её. Не разменяв на горсть медяков затёртых.

Иные и не верят. Говорят – вовсе то невозможно.

А сквозь века?!

Трикстер призван невозможное делать возможным...

Пируют гости в ледяном дворце, здравицы нескончаемые произносят – за чету венценосную, за царство крепкое да процветающее. Улыбаются в ответ царь с царицей, ответные здравицы произносят, как то этикет требует.

Только не слышат ни Локи, ни Сигюн здравии тех.

Улыбается хитро царь йотунхеймский, жены ладонь узкую сжимает крепко. Идут они привычными путями – под личиной прислуги прочь от залов, от шума и пышности праздничной.

Сигюн ждёт, что муж откроет портал, но тот и не думает. Ведёт жену за собой – всё дальше и дальше от дворца.

– Локи!.. – ломкий шёпот. Отчего сердце стучит в груди так сильно, будто в первые дни их сближения?.. – Куда мы? Ну скажи наконец!

– Тшш!.. – прижатый палец к губам ответом. – Увидишь.

Сбрасывает бог обмана личины с обоих, сам асом оборачивается. Тот, к кому на встречу они торопятся, привык к этому его обличию...

Громовое ржание оглашает притихший лес. И следом навстречу выплывает красавец конь. Грива – золото чистое, глаза угольём горят. Копытом ударит – гром по всему Йотунхейму разносится. У пирующих в руках чаши заздравные прыгают.

– Это же...

Умолкает Сигюн на полуслове восхищённо. Очам своим поверить не может. А конь чудной копытами передними оземь бьёт – всеми четырьмя. Фыркает – пар густой из ноздрей идёт.

– Я поговорил с отцом, – негромко говорит Локи. – Он ему теперь без надобности, а мало найдётся в девяти мирах седоков, которых Слейпнир согласится нести на своей спине.

Не слышит будто Сигюн. Словно замороженная, смотрит на коня – глаз отвести не может. Холод ему нипочём будто – пар от коня валит.

Дрожит рука. Дрожит, но тянется. Косит глаз Слейпнир. Носил он на спине царя девяти миров, славного воина, верховного бога. Знал он и сыновей его – и родного, и приёмного. Но Тор не пожелал коня своего верного менять, а Локи и давно не отказался бы от Фенрира. Остался Слейпнир не у дел...

Оттого, видать, Один и уговорил коня носить царицу Йотунхейма. После того, как Локи его самого уговорил, конечно.

Смотрит горящий глаз на ванийку. И *это* его будущая хозяйка?.. Маленькая. Хрупкая. Да хватит ли у неё духу подойти к нему, не то что оседлать?

Не то что первую милую проехать...

Недоверие. Удивление. Восхищение. Страсть разгорающаяся. Лишь страха в серых очах – ни капли.

Касается наконец ладонь гладкого конского бока. Прислушивается Слейпнир. Оттолкнуть? Достаточно мотнуть головой легонько...

Тёплый нос осторожно трогает щёку Сигюн. И Локи, глядя, с каким упоением та зарывается лицом в конскую гриву, хмыкает:

– Ну, хоть этого не отбросила...

Зычный свист – и вот мягкая громадная тень волка возникает, будто рядом он был. Вздёргивает горделиво Слейпнир голову, фыркает шумно. Скалит Фенрир клыки страшные в ответ. Только в схватку не вступают. Видят, что силы равны – ни одному из драки победителем не выйти.

– Как тебе подарок? – интересуется Локи, привычным слитным движением взлетая на волка. – Прогуляемся, о моя прекрасная лошадица?

Сигюн еле разбирает обращённые к ней слова, с трудом отрываясь от конской гривы. Оборачивается наконец к мужу. И тот, глядя в её сияющее лицо, понимает, что все усилия были не напрасны.

Нет в Йотунхейме лошадей, непривычны они к лютому холоду. Кормить их нечем, да и мало какая лошадь выдержит среднего взрослого йотуна. Грустила Сигюн порой по страсти своей девичьей. По просторам вольным, по скачке быстрой. Видел Локи, как горят её глаза, когда к родителям случалось ездить в Ванахейм. И Нанна сетовала, что дочь её так и норовит улизнуть втихую да умчаться в чисто поле.

С некоторой неуклюжестью – подзабылись всё же навыки – забирается Сигюн на спину коню восьминогому. Высоко от земли, куда выше, чем на обычной лошади. Только и теперь не мелькнуло страха в очах богини верности. Лишь забытое предощущение – бега, скачки, скорости...

Счастья.

...Треск ломаемых сучьев, будто сквозь чашу проридается по меньшей мере ещё один Фенрир. Мягкий стук упавшего в сугроб тела. Громкий в тишине всхлип.

Очень знакомый всхлип.

Сигюн слетает с высокого коня так, будто сидит на обычной лавке.

– Нарви!.. – поднимает она сына. Тот кулачком размазывает по лицу облепивший снег. – Ты что тут делаешь?

– Как ты вообще здесь оказался? – Локи тоже спешивается с волка.

Нарви поднимает на родителей прозрачные зелёные – отцовские – очи.

– Вы ушли... Мне стало скучно, и я сбежал. Зачаровал нянь... Я тихо-тихо шёл сзади, вы меня не видели, а я вас видел! – с гордостью заявляет он, не замечая, как вытягиваются лица родителей.

– Как... зачаровал? – переспрашивает Локи.

– Как это – ушли? – эхом отзывается Сигюн, глядя на мужа.

Нарви оживает:

– Я понял: это же игра такая, да? Спрятаться от всех, тихо-тихо? Я никому не рассказал!..

И таким счастливым блеском глаза сияют...

– Ещё один шутник и маг. Будто мне первого мало, – ворчит Сигюн, прижимая сына к себе. Оглядывается на Слейпнира. Она сама ещё толком не научилась с ним обращаться...

– Нарви, поедешь со мной, – в такт её мыслям говорит Локи, подхватывая сына и подсаживая того на Фенрира – так они уже катались не раз. – Шутники должны держаться вместе, не так ли, сын?

– А маме не будет скучно одной? – спрашивает Нарви, глядя, как Сигюн садится на Слейпнира – в этот раз уже уверенней. – Может, надо добыть второго братика, пап, как ты думаешь? Ну, чтобы у каждого впереди было по ребёнку!..

– Догоняйте!.. – звонкий голос Сигюн доносится уже издалека. Снег, взрыхлённый восемью ногами коня, плавно оседает обратно.

Локи хмыкает. Гордая, увлечённая, невыразимо прекрасная. Близкая – и далёкая. Такой увидел он когда-то давно маленькую девочку. Такой встретил заложницу чужого царства, дочь своего врага. И продолжает смотреть – уже на жену.

Может, Нарви и прав насчёт брата?..

– Догоним царицу йотунхеймскую, Нарви?

Тот часто-часто кивает. Прижимается крепче к отцу в предвкушении поездки. И редких, но столь драгоценных минут и часов не с царём и царицей – с родителями.

...Через мгновение волк мягко стелется по следу коня посреди искрящейся снежной равнины.

Мифословарь

Альвехейм – один из девяти миров Иггдрасиля, где живут альвы (эльфы).

Асгард (Золотой Город) – высший из девяти миров Иггдрасиля, где живут боги (асы).

асы – группа более молодых (и более активных) богов в скандинавской мифологии.

Бальдр – бог света и весны. Мать его взяла клятву со всякого оружия и предмета, что они не причинят её сыну вреда – кроме куста омелы. Асы принялись испытывать сие свойство на прочность, метая в Бальдра мечи и стрелы. Локи в нужный момент подложил слепому Хёду веточку омелы, и Бальдр был убит. Локи же препятствовал возвращению Бальдра из мира мёртвых. После смерти бога весны Рагнарёк стал неизбежен.

Бергельмир – один из первых великанов.

Бради, Ингвар, Сверр, Свен – скандинавские мужские имена.

Брисингамен – ожерелье Фрейи, призванное делать её красоту неотразимой. Изготовили его четыре карлика (братья Брисинги), в уплату Фрейя провела с каждым из них ночь.

Брок и Синдри (сыновья Ивальди) – цверги, выковавшие артефакты для асов: копьё Одина, золотое кольцо, складной корабль, золотого вепря, золотые волосы Сиф и молот Тора.

Брита, Дагни – скандинавские женские имена.

Бьяртфакси – «светлогривая», возможное прозвище для лошади.

Бюлейст, Хельблинд – братья Локи.

валькирии – «выбирающие убитых» – воинственные девы, реющие над полем битвы и забирающие убитых в чертог Одина.

Ванахейм – один из девяти миров, где живут ваны.

ваны – группа более старых богов в скандинавской мифологии, потеснённых асами.

Гуллинбурсти – «золотая щетина» – вепрь, каждая щетинка которого из чистого золота. Развивал невероятную скорость, принадлежал Фрейру.

Гулльвейг (Золотая Колдунья) – злая колдунья, олицетворение золота. Послана ванами к асам внести хаос. Асы трижды пытались её убить – безуспешно. После третьей неудавшейся попытки Один метнул копьё в сторону Ванахейма, положив начало войне.

Гунгнир – Золотое копьё Одина, не знавшее промаха. Знак царской власти.

Девятимирье – девять миров, располагавшихся на ветвях Иггдрасиля.

Драупнир – волшебное обручье (кольцо), каждую девятую ночь производившее ещё такое же кольцо.

Дуб – символ бессмертия, силы, отваги (с жёлудями – ещё и плодородия).

Ёрмунганд – мировой змей, находился преимущественно в мировом же море. Соперник Тора в Рагнарёк. Сын Локи от великанши Ангрбоды (первой его жены).

Золотой Чертог – дворец Одина.

Иггдрасиль – мировое древо, на ветвях которого располагаются девять миров.

Идунн – богиня юности, хранительница молодильных яблок.

Йотуны – ледяные великаны, жители Йотунхейма.

Йотунхейм (Ледяное царство) – один из девяти миров Иггдрасиля, царство вечного льда, обиталище ледяных великанов.

Лаувея – мать Локи, асинья.

Лафей – персонаж Марвел-вселенной. Ледяной великан, царь Йотунхейма; отец Локи, убит им.

Ледяной ларец – предмет из Марвел-вселенной, некий артефакт, представляющий ценность для йотунов; отнят Одинем в ходе военных действий.

Локи (Обманщик) – бог огня, обмана и хитрости, наполовину ас, наполовину йотун. Трикстер, не раз помогал богам выбраться из передряг, им же самим и созданных (реже – кем-то другим). Самая неоднозначная фигура скандинавской мифологии. В Марвел-вселенной – родной сын Лафея, приёмный сын Одина (в мифах же Один и Локи побратимы).

Локия – одно из возможных свидетельств практически отсутствующего культа Локи. Представляла собой схематичную человеческую фигурку, вырезанную из дерева, которая должна была защищать владельца от взора (гнева) богов при совершении преступления. На суде являлась смягчающим обстоятельством.

Магни, Труд – сын и дочь Тора.

Мимир, Хёнир – заложники по обмену от Асгарда после войны асов с ванами.

Мидгард – «срединный мир» Иггдрасиля, мир людей.

Мунин и Хугин – «Мысль и Память», вороны Одина, летавшие по свету и сообщавшие ему обо всём, что происходит.

Муспелльхейм – огненный мир Иггдрасиля, где живут огненные великаны (демоны).

Мьёлльнир – волшебный молот Тора, не знал промаха, всегда возвращался к хозяину.

Нанна – одна из богинь плодородия, жена Бальдра.

Нарви – сын Локи от Сигюн.

Ноатун – «корабельный двор» – дворец Ньёрда.

Ньёрд – бог моря и ветра, отец Фейра и Фрейи.

Один (Всеотец, Хранитель девяти миров) – бог войны, ярости, мудрости и поэзии, верховный правитель асов и Девятимирья. Мог как даровать великую удачу, так и обречь на смерть ставших неугодными. Позиционируется как положительный персонаж, на самом же деле – неоднозначная фигура номер два после Локи. В Марвел-вселенной выкрал последнего ребёнком у йотунов и воспитал наравне с родным сыном (Тором), планируя возвести на Ледяной трон впитавшего асгардские традиции полукровку.

Рагнарёк – «гибель богов». Конец девятимирья, последняя битва и возрождение нового мира, новых людей и т.д.

Свартальфхейм – один из девяти миров Иггдрасиля, мир цвергов (карликов, гномов).

Сигюн – богиня верности, вторая и последняя жена Локи. Происхождение её неизвестно.

Сиф – одна из богинь плодородия, жена Тора.

Скидбладнир – «сложенный из дощечек», корабль, который можно было сложить и спрятать за пазуху. Ходил по воде и по суше.

Скирнир – слуга Фрейра.

Слейпнир – восьминогий конь, способный на невероятную скорость. Ещё один сын Локи. Впоследствии на нём ездил Один.

Тор (громовержец) – бог грома, «защитник людей и богов», сын Одина.

Тюр – бог войны, позднее оттеснён Одним.

Фенрир – огромный волк, соперник Одина в Рагнарёк. Сын Локи от великанши Ангрбоды.

Фимбулвинтер – «великанская зима», непреходящая стужа в течение трёх лет – от смерти Бальдра до наступления Рагнарёка.

Форсети – бог правосудия, сын Бальдра и Нанны.

Фрейр – бог плодородия, сын Ньёрда, брат-близнец Фрейи.

Фрейя – богиня красоты, любви и войны, делит с Одним власть над валькириями. Сестра-близнец Фрейра. Им приписывают также любовную связь.

Фригг – богиня семьи и брака, жена Одина. Видит будущее, но редко с кем-то делится знаниями о нём.

Хеймдалль – Всевидящий страж богов, обзревает все девять миров и видит всё, что происходит.

Хель – богиня смерти, владычица мира мёртвых Хельхейма. Дочь Локи от великанши Ангрбоды (в Марвел-вселенной – дочь Одина).

Хельхейм – нижний, самый мрачный мир Иггдрасиля – царство смерти. Туда попадают все, умершие не в сражении.

Хлидскьялв – трон Одина.

Эйр – богиня врачевания.

эйнхери – павшие в бою воины, живущие в Чертоге Одина и составляющие его дружину.

Составлен автором по материалам интернета

Оглавление

Глава 8. О чести и бесчестии.....	3
Глава 9. О битвах и привалах.....	14
Глава 10. О сокровищах и раздумьях	24
Глава 11. О жертвах и коронах	37
Глава 12. О возвращении и объятьях.....	46
Эпилог	58
Мифословарь	70

Литературно-художественное издание

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Обманом обручённая

**Повесть
Часть II**

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки – рисунок с сайта AzaleasDolls.com

Тираж – 50 экз.

Огонь расцветает в её руке рыжим цветком. Наливается алым. Как кровь. Как восход над горами.

Как цветок, в далёком детстве добытый для неё застенчивым мальчишкой, не побоявшимся влезть в бурный водопад...

– Какой красивый, – тихо говорит Сигюн. – У меня когда-то был похожий цветок. Тоже красный, будто пламя. Его для меня достал какой-то мальчик... Не из ванов, приезжий. Не помню, как его звали. Помню, цветок так долго стоял, будто едва сорванный – несколько лет... Когда мы подросли, Фрейя начала хвастаться ухажёрами и дарами. И так обиделась, узнав, что из нас двоих дар первой вручили *мне*... Порой кажется, она до сих пор это не может забыть.

Что-то тревожит Локи в словах девы. Воспоминания из детства – те, что он так не любит, – всколыхиваются волной.

«Я – ледяной великан, я чужой здесь...» Не то, дальше, раньше...

Ледяная волна. Водопад, грозящий расплющить о камни маленькое тело. Зачем он туда полез?

Девочка в белом платье. Алый цветок...

– Водяная лилия, – Локи не узнаёт свой голос. – Это была водяная лилия.

Сигюн смотрит на него во все глаза.

– Так это был...

– Так это была...

Оба отворачиваются. Сигюн – пытаюсь унять бешено бьющееся сердце. Локи – складывая воедино восхитившую когда-то, почти забытую девочку и взрослую, прекрасную, гордую деву.

